

Цикл научных семинаров
«Политика активного долголетия и пенсионные реформы:
российский и международный опыт»

Первый семинар цикла
28 февраля 2019 г.

«Обязательное социальное страхование:
пути реформирования»

СТЕНОГРАММА

Модератор Оксана Синявская: Добрый день, уважаемые коллеги! Я очень рада всех приветствовать сегодня на первом заседании цикла научных семинаров, которые Институт социальной политики НИУ ВШЭ открывает по вопросам активного долголетия и пенсионным реформам. На протяжении года мы будем с периодичностью раз в месяц обсуждать пенсионные вопросы, вопросы активного долголетия, как они решаются в России, и какой есть международный опыт. Я надеюсь, что повестка у нас будет богатая, разнообразная и интересная.

Мы решили открыть наш цикл семинаров очень интересным докладом, который был подготовлен больше года назад тремя ведущими специалистами в этой сфере, интересной командой экономистов и юристов, – доклад о проблемах обязательного социального страхования. Мы не будем говорить о каких-то тактических решениях, о том, что нужно сделать в ближайшее время. Наоборот, поговорим, скорее, о стратегии развития социального страхования в контексте вызовов, которые стоят перед системой в XXI веке, в ближайшие десятилетия.

Поэтому сегодня вы услышите три выступления. Потом у нас будет дискуссия. К сожалению, один из планируемых дискуссионтов, которого мы приглашали, по рабочим причинам не смог присутствовать, но я думаю, что это не помешает нам устроить достаточно оживленную дискуссию, ведь у нас собралась представительная аудитория.

А сейчас я бы хотела предоставить слово первому выступающему, Евгению Шлемовичу Гонтмахеру.

Евгений Гонтмахер: Спасибо! Оксана Вячеславовна сказала, что чуть больше года назад мы, трое присутствующих здесь, Юрий Воронин, Александр Сафонов и я, в инициативном порядке подготовили для ЦСР доклад о том, что нам делать с обязательным социальным страхованием. По-моему, авторы единодушны в том, что здесь есть некая проблема. Если взять социалку, сейчас много говорят о проблемах бедности. Чуть ли не каждый день какие-то новости идут. Много говорят о здравоохранении. Пенсионная система тоже на повестке дня. Но на самом деле социальная политика складывается из институтов. Не

только из мер по увеличению или снижению чего-то, из каких-то параметрических реформ, как это было сделано с пенсиями, а из институтов.

С нашей точки зрения важнейший, может быть, даже ведущий институт социальной политики, который должен присутствовать почти во всех сферах, – это обязательное социальное страхование, о котором в России говорят с самого начала существования новой независимой России. Фонд социального страхования существовал еще в советское время. Он подчинялся тогдашним профсоюзам. Но фактически только в начале 90-х годов было введено пенсионное и обязательное медицинское и социальное (в узком смысле этого понятия) страхование. Но за 20 лет эта система так и не сложилась именно как обязательное социальное страхование.

Я разобью свое выступление на две части. Первое. Почему система не сложилась? В чем мои аргументы? И второе. Мы должны что-то предлагать. Хотя я считаю, что функция академической науки во многом заключается в критике. И этого часто достаточно, просто критиковать. Другое дело, если брать на себя более прикладные функции, быть рядом с людьми, которые принимают решение, тогда, конечно, этого недостаточно. Тогда надо что-то предлагать.

Вкратце расскажу об основных моментах, которые содержатся в этом нашем докладе. Он предлагает, наконец, построить систему обязательного социального страхования в России. Почему у нас эта система не сложилась? Этому есть очень много причин. Конечно, средства обязательного социального страхования не должны быть собственностью государства. Сейчас они находятся в федеральной собственности, и на этом можно было бы поставить точку в ответе на вопрос, почему не состоялась система обязательного социального страхования. Подавляющая часть средств, изымаемая сейчас в виде страховых платежей, это отложенная заработная плата людей, и поступая в наши внебюджетные фонды, она вдруг становится федеральной собственностью. А это уже накладывает глубокий отпечаток на много, например, на управление этими средствами.

У нас есть система внебюджетных фондов. Слава богу, что она есть. Я сам неоднократно участвовал в дискуссиях, и мне даже приходилось отстаивать необходимость существования этих фондов, потому что Минфин, по крайней мере, в 90-е годы, пытался влить все эти фонды в бюджет. У него это получилось с Фондом занятости, который занимался страхованием от безработицы. Но в целом система, как формально внебюджетная, существует. Я еще скажу о ее недостатках. Но управление этой системой, раз собственность федеральная, осуществляется государством. Хотя формально оно трехстороннее (работодатели-работники-правительство), что записано во всех законах. Вроде бы в правлениях этих фондов есть представители работодателей, профсоюзов, но, тем не менее, мы с вами прекрасно знаем, как это все происходит на практике. Это прямое управление государством. Фактически фонды подчинены, курируются соответствующими министерствами – Минтрудом и Минздравом. Они не имеют права законодательной инициативы, что с управленческой точки зрения очень важно. Другими словами, какие-либо изменения, связанные с этими фондами, вносят в правительство соответствующие министерства. Это тоже резко снижает потенциал обязательного социального страхования. Этот институт должен быть негосударственным, а форма собственности аккумулируемых средств – общественной.

Еще одна причина того, почему у нас обязательное социальное страхование не состоялось, – отсутствие сквозного персонифицированного учета. Он есть в Пенсионном фонде, отчасти в Фонде социального страхования. Но возьмем ФОМС. Сколько я себя помню, говорят о том, что там тоже надо вести персонифицированный учет. Сейчас президент в очередной раз сказал в послании, касаясь темы цифровизации, что туда надо погрузить медико-социальную экспертизу. Я считаю, что это правильное предложение. Где электронные истории болезни? Где финансовые счета, на которых видно, сколько за меня платит работодатель? В Пенсионном фонде в каком-то виде это реализовано, хотя к этому тоже есть большие вопросы. В ФОМС этого нет вообще. Отсутствие персонификации – это тоже нарушение одного из основополагающих принципов страхования, в частности, социального страхования.

Кроме того, система, которая сейчас называется обязательным социальным страхованием, финансирует и не страховые по своей природе выплаты. Например, почему Пенсионный фонд оперирует материнским капиталом? Почему это делает страховой внебюджетный фонд? Когда-то была реформа правительства, в результате которой ввели агентства и службы. Агентства были предназначены для того, чтобы оперировать деньгами, которые выделяются из бюджета на соответствующие цели. Тем более что материнский капитал – это деньги федерального бюджета. Почему нет агентства социального обеспечения? Пожалуйста, передайте ему эти выплаты, и не только эти. Я просто привожу самый характерный пример. Но это тоже смазывает внутреннюю структуру того, что делает формально страховой Пенсионный фонд.

Еще важный момент. Если мы говорим об обязательном социальном страховании в классическом представлении, то оно должно закрывать целый пакет рисков. Сейчас пенсионным страхованием закрывается риск, связанный с возрастом, с дожитием до определенного возраста. Есть Фонд социального страхования, который закрывает риски, связанные с временной нетрудоспособностью. Еще там есть страхование от несчастных случаев и профзаболеваний. ФОМС закрывает риски, связанные с медицинской помощью. Но я считаю, что это было катастрофическое решение – ликвидировать Фонд занятости. Мы уникальная страна в мире – по-моему, еще только Дания – которая платит пособие по безработице из бюджета. Была допущена колоссальная ошибка.

У нас совершенно не закрыт риск необходимости постороннего ухода, что весьма актуально в условиях старения населения в России. В ряде стран такой вид обязательного страхования уже введен. Таким образом, у нас два больших не закрытых страхованием социальных риска: по уходу и по безработице.

И последний аргумент в пользу моего тезиса о том, что у нас не состоялось обязательное социальное страхование. Абсолютно нет синергии с коммерческим страхованием. Я последнюю очередь отношусь к людям, которые говорят, что нам не нужно коммерческое страхование. Я всегда поддерживал негосударственные пенсионные фонды. Полагаю, что их сейчас поставили в очень сложное положение.

Считаю, что частные страховые компании в здравоохранении, безусловно, должны работать. Я уже сказал про незавидную судьбу негосударственных пенсионных фондов. Но и частные компании в системе ОМС загнаны в очень узкое прокрустово ложе, фактически превращены не более чем в посредников, через которых перетекают

финансовые потоки. Естественно, это вызывает критику со стороны врачебного сообщества и не только. «Сидят люди, получают свой процент и ничего не делают». Если развивать систему обязательного социального страхования как по-настоящему негосударственный институт, то она должна иметь синергию с коммерческим сектором.

Что делать?

Мы предлагаем ввести единый страховой тариф отчислений. Это принципиально важно. Те разрозненные платежи, которые сейчас существуют, требуют объединения в единый 30-процентный тариф.

Плюс этот тариф должен быть персонифицирован в отношении каждого конкретного застрахованного. Это к вопросу о персонификации.

С человеком заключается индивидуальный договор. Ему предлагаются некие опции, связанные и с коммерческим страхованием, в зависимости от его желания, возможностей.

Плюс внутри этого тарифа человек может регулировать его структуру. Я, например, больше заинтересован в пенсионном обеспечении. Тогда из этих 30% большая часть, например, 25% (а не 22% как сейчас), пойдут в мой пенсионный капитал. Тогда на ОМС, на обеспечение услуг здравоохранения пойдет меньше. А кто-то наоборот, заинтересован больше в том, чтобы у него было лучшее страхование по ОМС, нежели чем пенсионное и так далее.

Нужно предусмотреть возможность внесения денег на свой персональный счет и самим работником сверх того, что за него платит работодатель. Вы не придете сейчас в Пенсионный фонд со своими собственными деньгами и не попросите положить на ваш счет 100 рублей. Это запрещено. Как в прочем и для вашего работодателя, который, тем не менее, платит за вас каждый месяц, но не может выплатить за вас, например, авансом.

Сейчас у нас новая проблема на рынке труда. Растет доля самозанятых, доля людей, которые работают только какими-то порциями. Соответственно меняется и регулярность получения ими доходов. Чтобы подключить эту категорию работников и требуется персонифицированный счет, с которым они сами будут работать, в том числе on-line.

Теперь об управлении обязательным социальным страхованием. Для того чтобы была ясная и понятная система, мы предлагаем создать единый фонд социального страхования, в котором были бы учтены и закрыты в определенном виде такие риски, как безработица и уход. Может быть, и еще целый ряд других рисков, о которых можно отдельно поговорить. Здесь появляется большая роль частных страховых компаний.

Но если мы говорим о стороне работника, то профсоюзы у нас не очень популярны, и представляют интересы явного меньшинства среди занятых. В этих условиях частные страховые компании могли бы быть агентами конкретного работника. То есть я не просто прихожу в Фонд социального страхования заключать договор на какой-то тип тарифа и его внутреннюю структуру. Я прихожу со страховым агентом, который выступает моим представителем, своеобразным социальным адвокатом.

В чем еще могло бы быть поле для деятельности частных страховых компаний? Они могли бы во многом распоряжаться моими накопленными взносами. Задача фонда – собрать

эти деньги. А в отношении использования этих денег, их возможного инвестирования, механизмов заключения договоров с соответствующими учреждениями, которые оказывают социальные услуги и так далее, – здесь как раз появляется очень большое поле для частного сектора. Оно абсолютно органично вписывается в рамки обязательного социального страхования. Государство в рамках трехстороннего партнерства должно быть в управлении этого гипотетического фонда. Но мне кажется, что задача государства заключается в правильном восприятии сигналов, которые идут из сферы, находящейся на стыке интересов работника и работодателя, и оформлением этих сигналов через соответствующие законы, постановления правительства.

Мы сейчас много говорим о том, что у нас люди не включены в политические процессы. Система обязательного социального страхования в предлагаемом виде вполне может в себя включить очень много активных людей и из бизнеса, и тех же работников. В общем, дать базу для каких-то интересных инициатив и комбинаций.

Мы не предлагаем сделать это в один день. Мы люди опытные, и Юрий Викторович [Воронин], и Александр Львович [Сафонов]. Три замминистра своими руками писали доклад. Это большая редкость в современной России. Нужен длинный подготовительный процесс. С политической точки зрения этот процесс мог бы продолжаться до 2024 года. Для подготовки такого рода реформы, может быть, немного в другом виде, нужна дискуссия, которая будет все решать, нужны специальные структуры.

Есть аналоги. Был Совет по пенсионной реформе при президенте, который возглавлял премьер-министр. Этот совет запускал пенсионную реформу 2002 года. Я был секретарем этого совета. Дискуссии были очень мощными. Участвовали эксперты, политические силы. Тем не менее, реформу запустили. Мне кажется, на тот момент она была успешной, удачной. Поэтому должен быть выстроен определенный институт, механизм для подготовки этой реформы. Социальное страхование затрагивает очень большие социальные интересы практически всего населения. Если бы процесс по созданию такого института был бы запущен, то после дискуссии, после общественного обсуждения и принятия соответствующих нормативных актов можно было эту реформу постепенно претворять в жизнь.

Оксана Синявская: Я предлагаю выслушать все три доклада. Потом, если будут вопросы, задать их после всех трех докладов. Сейчас я с радостью передаю слово Александру Львовичу Сафонову. Его доклад – «Реформа системы социального страхования. Основные макроэкономические, институциональные вызовы, реальные ответы».

Александр Сафонов: Добрый день, уважаемые коллеги. Позавчера была интересная дискуссия в Институте экономики по вопросам, стоило ли повышать пенсионный возраст или не стоило. Она стала своеобразной бурей в стакане воды. Я бы не придал внимания этой дискуссии, но она как нельзя лучше отражает современный подход к принятию очень непростых решений в области системы социального страхования.

Собрались достаточно уважаемые ученые. Такое впечатление, как в индийской философской притче, когда группа людей подходит с разных сторон к слону. Один говорит, что слон – это нечто в виде столба. Другой – тоненького хвостика. Третий дает еще какое-то определение. При этом все по-своему правы. И никто не прав. Это как раз

отражает общую ситуацию, которая связана с реформированием системы социального страхования на протяжении последних 20 лет.

В чем причина? В первую очередь в том, что [социальное страхование] – это объект, который требует определенной настройки для решения не текущих и даже не среднесрочных задач, что, безусловно, важно, а долгосрочных. И если мы не видим этого целеполагания, то все наши предложения оказываются временными и абсолютно неэффективными.

Мы слышим о том, что то, что произошло в прошлом году, подморозило ситуацию [в пенсионной сфере] на 8 лет, но при этом люди, которые это заявляют, в определенной степени не понимают, что они там заморозили отваливающуюся ногу, гнойник. Мне это все напоминает 2005 год, Это проблема монетизацию льгот, когда лица, которые продвигали эту идею, говорили о том, что государство дико сэкономит на этой программе, выстроит эффективные потоки предоставления социальной помощи. Не случилось ни того, ни другого. Первоначальные расчеты в размере 1,5 трлн. обернулись в 4 трлн, что привело к социальному недовольству.

Теперь я возвращаюсь к нашей теме, отталкиваясь от второго тезиса, который мы рассматривали в своей концепции. Нельзя строить какую-то программу, не понимая базовых, фундаментальных процессов, которые происходят в той среде, которая порождает систему социального страхования. В первую очередь, речь идет о занятости, рынке труда. Именно рынок труда дает необходимые параметры для начисления пенсии, стаж, заработок.

Именно на рынке труда в рамках занятости человек получает как минимум три риска, которые тоже должны страховаться. Безработица – относительно безобидный риск. Второй риск – это временная потеря трудоспособности, что является объектом системы социального страхования. А также долгосрочная потеря трудоспособности.

Помимо всего прочего существует еще и фундаментальные демографические тенденции, которые также диктуют определенные требования к системе. Какое количество людей не доживает до определенного возраста, как долго они живут, как долго период здоровой продолжительности жизни? От этого зависит, необходимо ли нам вводить страхование по уходу, или нет в этом необходимости.

Мы должны понимать, что базовой платформой для рассуждения по поводу дальнейшего развития системы социального страхования, является рынок труда. Основное мое утверждение заключается в следующем. На сегодняшний день все испытывают его серьезные фундаментальные трансформации. Мы уходим от индустриальной системы занятости, которая предусматривала одну профессию, длительный период занятости у одного работодателя. В значительной степени была долгосрочная привязка к одному географическому месту жительства и работы. Все это приводило к тому, что сохранялись такие важные институты как семья, семейные отношения. Соответственно, они тоже участвовали в процессе, связанном с настройкой потребностей граждан в системе социального страхования.

Сейчас мы переходим в новую формацию. Эта формация заключается в том, что объем занятости сокращается, причем стабильной занятости. Это в первую очередь сказывается на показателях заработной платы.

Евсей Томович [Гурвич] говорил, что они занимались бенчмаркингом и поэтому посчитали, что та система социального страхования, которая в мире присутствует, может присутствовать у нас. С точки зрения ученого это не тактичное выражение. Нельзя трансформировать объект, если ты не понимаешь его системные взаимосвязи. Насколько он отличается по содержанию от существующей внешней формы.

Мы делали определенные расчеты, которые показывают, что у нас в России очень сильная взаимосвязь доходов и расходов, связанных с заработной платой. Понятно, что пока у нас проблема в фонде оплаты труда (ФОТ). Это отражение системы занятости. В первую очередь это сказывается на том, что у нас большая доля лиц, имеющих заработную плату ниже прожиточного минимума.

Это означает, что они никогда в традиционной системе, которая существует на Западе, не накопят себе ни на что. Они не в состоянии экономически участвовать в процессе социального страхования, обязательного и необязательного. Поэтому не решая этой застарелой проблемы [низкой заработной платы], мы купируем, замораживаем проблему [устойчивости социального страхования]. Соответственно, она нам всегда будет аукаться тем, что мы будем [пытаться] трансформировать страховую систему в систему социальной помощи. Отсюда начинаются всякие размышления по поводу того, чтобы отказаться от страховой системы.

Неравномерное распределение заработных плат приводит к тому, что у нас слишком большая доля людей, получающих низкие заработные платы по всем показателям разных исследовательских групп, в том числе нашей. Мы видим, что модальная заработная плата составляет 17-19 тыс. рублей в месяц. Представьте себе, 40 % утраченного заработка от этой суммы, и вот мы уже начинаем спускаться на порог ниже прожиточного минимума пенсионера. Часто встречающаяся заработная плата экономически не обеспечивает базис для системы социального страхования. Тогда надо искать источники замещения. Оказывается, лица, получающие высокую заработную плату (даже если суммировать весь фонд оплаты их труда), вносят недостаточную сумму, чтобы провести перераспределение и закрыть дырки.

Поэтому мы должны сделать главный вывод о том, что рынок труда на сегодняшний день у нас является самой серьезной проблемой, которая не позволяет реализовать ни одну программу, связанную с повышением пенсионного возраста или повышением качества здравоохранения. Не обеспечивает, и все.

Вопрос к системе. Мы оставляем эту систему в рамках страховых платежей или эта система не рабочая? Тогда надо от нее отказываться и переходить на бюджетное финансирование, включая систему медицинского страхования. Это серьезная проблема.

Дальше давайте посмотрим на показатели рынка труда. Меня в понедельник возмутила манипуляция с показателями отельных товарищей, которые стали обосновывать повышение пенсионного возраста, утверждая, что у нас на одного пенсионера приходится

один работающий. Даже Капелюшников, мой коллега, подпрыгнул. Это утверждал Назаров.

Рабочей силы у нас достаточно. Вопрос в другом. Качество и характер использования этой рабочей силы. У нас большое количество людей, находящихся в теневом секторе. Четыре года назад мы делали расчеты, которые показывают, что если бы у нас плательщиками взносов были все работающие или как минимум в тех процентных соотношениях, которые встречаются по неформальному рынку труда в Европе, мы бы полностью закрыли пресловутый трансферт с бюджета. Даже имели бы определенный плюс. Даже сегодняшние расчеты показывают, что тех взносов, которые производят работающие, в принципе, достаточно для того, чтобы выплачивать пенсии.

Проблема заключается в том, что в систему социального страхования начинают встраивать систему стимулирования экономического развития. Опять происходит попытка извратить систему, нацелить ее на решение других, совершенно не свойственных ей задач. В какой стране вы найдете такую разницу тарифов. Мы считали, что эффективный тариф по всей системе – 16,5%. Мы все время манипулируем цифрами 28 – 30%. А по факту 16,5%.

Самое интересное, что государство вообще не понимает, что происходит в этой тарифной политике. Выясняется, что самая продвинутая отрасль, которая может дать в будущем нормальные рабочие места и высокую занятость, и поэтому ее надо стимулировать, например, космическая, аэродинамическая отрасль, имеет самую высокую нагрузку социально-страховыми платежами. А та отрасль, которую не надо стимулировать, как например, девелопмент или финансовая оказываются защищенными вот этими льготами. Понять это безобразно невозможно. Это означает ровно следующее. Система испорчена настолько, что те, кто принимал в этом участие, даже не понимают, куда она сейчас ведет. Без ревизии этих льгот двигаться дальше невозможно.

Возникает дискуссия, что мы все время пытаемся снизить налоговую нагрузку, в том числе на фонд оплаты труда, которая позволит нам что-то куда-то вывести. На этом слайде представлены исследования, которые мы проводили совсем недавно, и которые показывают, что рынок труда, связанный с неформальной занятостью, практически не чувствителен к движению ВВП. Он живет своей, оторванной от экономической политики государства жизнью. Даже льготирование, которое проводилось в определенные периоды для того, чтобы вывести из тени вот этих плательщиков, ни к чему хорошему не приводит.

Это совершенно другой мир, который мы не понимаем, и не хотим изучать. Тем не менее, пытаемся решать эти проблемы при помощи бенчмарк предложений.

Теперь обратимся к показателям здоровья. Мне посчастливилось участвовать в 2017 году в проекте для Пенсионного фонда о состоянии здоровья [населения]. У нас была задача – определить возраст выхода на пенсию с точки зрения утраты трудоспособности. Мы рассматривали этот процесс с позиции трех важнейших критериев, которые должны учитываться. Если раньше традиционно [главным критерием] выступала потеря здоровья, то сейчас мы понимаем, что состояние рынка труда диктует нам еще один фактор: востребованность человека на рынке труда. Если он окажется безработным, вы все равно должны будете включать в отношении него социальную помощь. Поэтому мы считаем,

что к вопросу утраты здоровья нужно присовокупить вопрос, связанный с востребованностью на рынке труда. И третий аспект – это участие в социальной жизни семьи. Как вам известно, дорогие коллеги, 450 тыс. семей у нас не имеет никаких возможностей пристроить своих детей в сады, ясли длительного пребывания. Если бы не лица старшего поколения, которые выходили на пенсию в стандартных условиях, то обеспечить занятость этой части населения (а мама с папой), насчитывающей почти миллион человек, невозможно. Нам надо это понимать.

В этом исследовательском проекте принимал участие Институт медицины труда. Он был головным. Мы проанализировали 85 тыс. анкет, оценивающих состояние здоровья людей разных возрастов в разных субъектах РФ, с тем, чтобы составить картину того, насколько мы улучшили качество здоровья, чтобы обсуждать возможность изменения пенсионного возраста. Для нас было очень важно определить период здоровой жизни, когда человек физически способен.

Мы получили интересные данные, которые показывают, что по многим видам болезней, которые являются основанием для получения инвалидности, различий между лицами (мы брали пенсионный возраст 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин) за редкими исключениями нет. Мы предположили, что самым тяжелым регионом с точки зрения соотношения работающих и не работающих должен являться Дальневосточный федеральный округ в силу качества климатических условий. Однако на первом месте оказался Северо-Западный федеральный округ, за которым следовал Сибирский. Этот результат говорит о серьезном влиянии качественной производственной среды.

На рисунке показаны ведущие нозологии, по которым можно получить пенсию досрочно. Мы видим, что по определенным видам болезней, например, болезни глаза и его придаточного аппарата, более 50 % населения в 45-49 лет достигает показателей, по которым можно получать соответствующие группы инвалидности. Тяжелейшая ситуация с болезнями системы кровообращения: в 35 лет уже очень высокие показатели. Видим, что ситуация сложная.

Это к вопросу о том, что стоит за формальными цифрами, и как их интерпретировать. Если бы мы обращались к данным Роструда о количестве профессиональных заболеваний, у нас все было бы просто здорово. Здесь мы впереди планеты всей.

А это [на слайде] реальные показатели состояния здоровья, связанные с группами на предприятиях. Мы видим, что среди рабочих, занятых на заводах черной металлургии, ни один не доживет до [общеустановленного] пенсионного возраста. Поэтому когда ведутся дискуссии по поводу того, что устарели досрочные пенсии, и их все пересмотреть, посмотрите на реальные показатели здоровья. Это констатация врачей.

Вот ситуация, связанная с профессиональными заболеваниями в отраслях промышленности, связанных с алюминием.

С шахтерами такая же ситуация. Когда в 2012 году, перед выборами, мы проводили эксперимент, связанный с профессиональной диспансеризацией по тем показателям, которые запрещают работу, мы вынуждены были отменить приказы Минздравсоцразвития, которое требовало стандартного порядка обследования. Наши оценки показали, что больше 50 % шахтеров, работающих в нормальных возрастах,

которые еще не достигли возраста досрочной пенсии, должны были быть удалены из шахты по причине инвалидности. В ответ мы получили звонки губернатора, сенаторов, говоривших: «Вы что, хотите оставить половину семей без заработка?». То есть ситуация достаточно сложная.

Теперь я хотел бы вернуться к рынку труда. Когда идут манипуляции тем, что у нас все здорово, замечательно с рынком труда [для пожилых], всегда ссылаются на цифры [о работающих пенсионерах], которые давал Пенсионный фонд. Пенсионный фонд нам рассказывал о том, что достаточно большое количество людей работало. В 2017 году, когда мы еще заканчивали проект, цифры изменились. Я сам удивился, когда вдруг в два раза сократилась статистика по работающим пенсионерам. Тогда кто-то начал говорить о том, что это связано с тем, что стали уходить в тень. Ничего подобного. Дело в том, что изменили методику учета. До 2017 года учитывались пенсионеры, за которых пришел платеж хоть за один рабочий день. Когда методику пересмотрели, стали считать работающими пенсионерами тех, кто в большей степени соответствует стандартной статистике по рынку труда. То есть это лица, которые имеют больше половины года занятий. В результате, данные резко сократились в два раза.

Дальше мы проводили исследования о том, ждет ли наш рынок труда этих людей. У нас была задача – посмотреть это на максимальном количестве лет. Мы занимались исследованием базы данных статистики по обследованию домашних хозяйств. Мы видим красивые цифры. Я сейчас опять вернусь к мужчинам, женщинам. Мы видим, что в абсолютном значении занятость мужчин сокращается. Соотношение, которым манипулируют, что процент [занятых] растет, связано только с демографическими изменениями. То же самое по женщинам. А теперь картина снижения занятости лиц в определенных возрастах. Мы видим, как занятость уходит в небытие.

Теперь очень интересная картинка соотношения количества ликвидированных и созданных рабочих мест. Рассказы о том, что есть дефицит рабочих мест – это тоже чистой воды манипуляция. Есть конкретная проблема конкретного работодателя по конкретному профилю профессии в количестве 2 – 4 единицы. В рамках неправильного обобщения это приводит к тому, что делаются неправильные выводы. Мы видим динамику. С 1995 года она не меняется: количество сокращаемых рабочих мест больше, чем количество вводимых. Вот ситуация по проценту вакантных рабочих мест: 2,8, 2,1%. А теперь представьте себе, что повышение пенсионного возраста потребует как минимум миллиона дополнительных рабочих мест. Чем будем обеспечивать, непонятно.

Мы проводили исследования корпоративных предпочтений. Мы сделали свою программу, запустили ее по базам данных всех крупных представителей этого рынка, Superjob, HeadHunter, «Работа в России». Исследования показывают следующее. Какими были возрастные предпочтения, такими они и остаются. Совместные исследования с этими крупными агрегаторами показывают, что возрастные ограничения начинаются с 45 лет. После 45 лет найти работу крайне сложно.

Я бы мог и дальше показывать все эти красивые картинки. Но я бы хотел перейти в выводы. Мы переросли систему, когда страхуются в отношении одного работника отдельные риски. Мы переросли систему, при которой работник исключен от ситуации принятия решений, какой риск в большей степени для него свойственен. Мы должны

понимать, что в силу сложности характера рынка труда мы должны рассматривать в качестве экономической основы для страхования любого типа, будь то страхование здоровья или пенсии, несчастных случаев на производстве, конкретную ситуацию человека. Мы должны перейти к прообразу ОСАГО и КАСКО. Есть минимальные риски, покрытие которых государство должно предоставлять человеку за тот взнос, который он делает. А дополнительные опции (как в КАСКО), которые он за тот же самый тариф, который сейчас платит за него работодатель, выбирает для себя сам.

Мы переходим от индустриального типа занятости, и каждый человек должен принимать участие в оценке рисков, кому, что важнее в обеспечении своей нормальной трудоспособности. Кому-то лучше заниматься здоровьем, а с работой у него и так все будет в порядке, даже в возрасте 70 лет он будет востребован. Кто-то наоборот, должен сосредоточиться на пенсионной тематике, поскольку он здоровьем от Бога не обижен. Кто-то в большей степени захочет страховать вопросы, связанные с уходом, потому что не наражал детей, нет тех людей, которые будут за ним ухаживать и так далее.

В своем выступлении я еще раз хочу зафиксировать ваше внимание на двух аспектах. Первый. Все те дискуссии, которые проводились в прошлом году по поводу того, повышать или не повышать пенсионный возраст, это не решение проблемы. Это даже не односторонний взгляд, это разговор ни о чем. Он не решает ни одной задачи, ни тактической, ни стратегической. Мы видим, что сегодня государство вынуждено потратить больше, чем оно пыталось сэкономить при повышении пенсионного возраста. Государство в будущем получит обязательства большего характера.

При этом непонятно, будут ли к этому времени источники финансирования или не будут. В понедельник говорили, что сейчас это все финансируется за счет нефти. Никто не ответил на вопрос, какой источник финансирования этих пенсий будет в следующие 10 лет. Будет ли нефть или нет. Но обязательства мы к этому времени нарастим. Об этом тоже никто не подумал. Еще раз призываю к тому, чтобы проблемой социального страхования занимались не дискретно, не манипулируя цифрами, не выпячивая отдельные факты. Это системная проблема. Она тесно сильно связана с ситуацией на рынке труда. Если мы хотим делать ее эффективной, она должна быть в первую очередь настроена на интересы конкретного, отдельного гражданина.

Евгений Гонтмахер: У нас хотят отобрать право выбора. А мы предлагаем это право выбора людям дать. Хотя бы здесь. Не только здесь. Но вот здесь точно. Это активизация человека. Это абсолютно либеральная идея. Он должен сам включиться в процесс формирования собственного благосостояния.

Оксана Синявская: Юрий Викторович, вам слово.

Юрий Воронин: Добрый день, уважаемые коллеги. Я постараюсь вас долго не задерживать. Я думаю, что наши доклады вас утомили, и вы хотите перейти к другому жанру, жанру обсуждения, что более живо и более интересно. Дискуссия всегда интереснее, чем монолог. Я посмотрю на те же самые проблемы, о которых говорили мои коллеги, но с более правовых позиций, в силу моей специализации именно в этой области человеческих знаний. У нас не может быть полноценного обсуждения доклада по той причине, о которой сказал Евгений Шлемович: доклад не опубликован. Если бы он был опубликован, задача облегчилась бы в разы. Мы бы тогда собрались, сделали бы

короткие превью, и стали бы обсуждать текст, которым бы каждый располагал. Но доклад не опубликован. От его авторов вопрос публикации не зависит.

Отчасти проблему восполнит выпуск Институтом законодательства и сравнительного правоведения сборника по реформе социального страхования, который мы подготовили по итогам семинара, состоявшегося у нас в институте. Он выпущен, просто его нет ещё в наличии, а то я бы его здесь презентовал. Но как только у меня будет экземпляр этого сборника, я сразу в Facebook у себя вывешу информацию о его выходе и все, кто желает, по данной наводке сможет его приобрести. Там приведены дополнительные материалы, существенным образом развивающие наши короткие сегодняшние сообщения.

Людмила Ржаницына: Сколько стоит?

Юрий Воронин: Понятия не имею. Я еще его не видел в напечатанном виде. Знаю только, что он вышел. По крайней мере, там расшифровываются позиции, которые были в неопубликованном докладе. В качестве статей мы можем что-то опубликовать из того доклада, не спрашивая разрешения ЦСР, не вторгаясь в этические и правовые проблемы авторских прав.

Сам по себе доклад выполнял понятную роль - роль провокативную - для того, чтобы возникла дискуссия, началось обсуждение. Дискуссия отчасти возникла, может быть, не в том объеме и не в той плоскости, в которой нам бы того хотелось. Нам бы хотелось, чтобы она велась с прицелом на принятие решений. Но всему свое время. Вода и камень точит. Возможно, мы поступательными движениями все-таки рано или поздно такую дискуссию в кабинеты власти перенесем.

Я приведу аналогию. В свое время у нас был такой опыт, когда, еще работая в министерстве здравоохранения и социального развития, мы выпустили пенсионный доклад, тоже очень дискуссионный, откровенно провокативный. Он действительно имел большой резонанс. Было много обсуждений, ссылок на него. Должен сказать, что те сценарии, которые мы там прописали как альтернативные, в общем-то все и реализуются. По крайней мере, в пенсионной сфере. И в части пенсионного возраста, и в части накопительного компонента. Только по льготным пенсиям, увы, у нас почему-то ничего существенного не происходит. Я удивляюсь тому, что наши действующие коллеги телегу поставили впереди лошади. Вместо того чтобы начать реформирование льготного пенсионного обеспечения, напрашивавшегося, назревшего, в котором практически ничего не сделано, взялись за пенсионный возраст. Посмотрите опыт стран Восточной Европы и постсоветских государств – они поступили в обратной последовательности: сначала разобрались с досрочными пенсиями и только после этого принялись за повышение общего пенсионного возраста.

Жанр дискуссионного доклада дает возможность все это обсудить. Коллеги подробно рассказали о том, что посчитали основным. Я не хочу повторять те тезисы, которые были ими высказаны. Я хотел бы сконцентрироваться всего лишь на двух вопросах. Жалко, сегодня нет одиозных оппонентов, типа Владимира Назарова и, отчасти, Евгения Якушева. Валентина Деметьевича [Роика] я не могу считать такого рода оппонентом. Это, скорее, наш союзник, наш единомышленник. Он может критически смотреть на некоторые предложения, отдельные подходы, но он все-таки человек, исповедующий философию социального страхования, поэтому мы с ним идеологически на единых позициях. Так что,

из-за отсутствия непримиримых оппонентов серьёзной дискуссии сегодня, скорее всего, не получится. Поэтому считайте наш семинар презентацией предлагаемой тремя авторами – тремя в недавнем прошлом заместителями министра - модернизации системы обязательного социального страхования.

Я хочу поднять первый вопрос. Мы должны дать ответ обществу на то, действительно ли необходимо социальное страхование сейчас, не устарело ли оно, не исчерпало ли оно себя. Есть ли у него потенциал к тому, чтобы на современном этапе постиндустриального общества обеспечивать систему социальной защиты населения от тех рисков, которые возникают в их повседневной жизни, приводят людей в состояние бедности в силу того, что они либо теряют источник постоянного дохода, либо у них возникают расходы чрезвычайного характера, которые они не могут покрыть своими нормальными доходами. Это первый вопрос.

И если социальное страхование все-таки нужно, то за счет чего его осуществлять в свете той проблемы, о которой подробно говорил Александр Львович [Сафонов].

Деформация рынка труда, снижение фонда заработной платы, изменение структуры занятости, когда корпус наемных работников постепенно сокращается, а корпус самозанятых работников увеличивается. Мы все ищем термины, как их назвать: фрилансеры или не фрилансеры. А название-то было. Это реальные поденщики, хорошо известные в нашей истории, которые на постоянной основе оказывают услуги неопределенному кругу лиц. Это невозможно оформить никаким договором. Ни трудовым, ни гражданско-правовым. Ни одна из сторон, ни та, которая оказывает услуги, ни та, которая их получает, к этому не стремится. Евгений Шлемович [Гонтмахер] прав. Можно поиграть в профессиональный налог, но ожидать, что он принесет какой-то прорыв с точки зрения массовой легализации этих отношений, не приходится. Говоря о модели социальной защиты нашего времени, XXI века (по крайней мере, в этой обозримой перспективе мы можем смотреть), мы должны достаточно четко себе представлять, кого мы будем защищать и какими способами. Вот это основная проблема дискуссии, вокруг которой мы этот доклад и строили.

Есть три проблемы, которые я выделил. И их следует проанализировать, чтобы потом решать. Во-первых, проблема усыхания фонда заработной платы как источника формирования средств социального страхования. Это уникальное страхование. Его нельзя отождествлять с коммерческим страхованием. Социальное страхование существует только во взаимоотношениях работник-работодатель. Только в этих взаимоотношениях. И это форма социальной защиты работников со стороны их работодателей. Все остальные формы страхования – это уже индивидуальные личные отношения, в которые вступает сам человек (как человек, а не как работник). Это было придумано Бисмарком и его командой. Я отнюдь не разделяю точку зрения оппонентов, которые считают, что система могла работать только при определенном соотношении работающих и не работающих. Это вторичный, очень упрощенческий взгляд.

На самом деле процесс старения населения не мог бы оказать негативное воздействие на исполнимость формируемых обязательств в социальном страховании, если бы тот механизм, который был заложен отцами-основателями социального страхования, работал полноценно и постоянно, а именно: происходил бы постоянный рост заработной

платы на основе устойчивого роста производительности труда, как это работало в течение XX века, и работало прекрасно.

Нынешняя проблема старения населения – это «цветочки» по сравнению с теми «ягодками», которые были в XX веке после двух мировых войн и бесчисленного количества гражданских войн, когда из социального страхования одновременно вылетало целое мужское поколение потенциальных плательщиков страховых взносов. И одновременно с этим появлялось огромное число вдов, сирот, инвалидов, которых нужно было социально обеспечивать. Тем не менее, система справлялась с такими демографическими деформациями. Кризисных явлений с финансированием обязательств не было. Потому что в течение XX века Фонд заработной платы рос устойчиво. И он всегда опережал новыми (более высокими) страховыми взносами формирование тех обязательств, которое там происходило за предшествующие периоды времени, даже позволяя сделать полноценную индексацию этих старых обязательств.

Прекрасно работавший механизм межпоколенческого социального страхования сломался в начале XXI века. Сломался в связи с тем, что возникли те явления, о которых говорил Александр Львович [Сафонов]. И дальше возникшие проблемы будут еще больше усугубляться. Фонд заработной платы перестанет быть реальным источником формирования средств социального страхования. Поэтому если мы хотим сохранить систему социального страхования, то мы должны понять, для кого мы ее сохраняем и за счет чего. На мой взгляд, понятно, что идти тем путем, которым пытались идти весь XX век, когда самозанятых подключали к наемным, невозможно. Это уже тупиковый путь.

Нам, наоборот, сейчас надо отделить наемных работников, если они еще какое-то время будут существовать, от самозанятых и предложить им разные механизмы социальной защиты. Механизм для наемных работников, основанный на социальной солидарности, абсолютно не подходит к самозанятым работникам. У них нет работодателя. Кто их страхует? Никто. Сами себя. Поэтому для них не проблема – самим покупать коммерческие страховки, это не создаёт их разную стоимость на рынке труда, как происходило бы в случае коммерческого страхования наёмных работников. То, что важно и критично для социального страхования. Работники не могут стоять по-разному для работодателя, с точки зрения социального страхования. В противном случае это будет трудовая сегрегация. Те, кто чаще болеет, у кого дети, заболевания, инвалидность, просто будут стоять для работодателя гораздо дороже. Он будет от них избавляться всеми возможными силами. Поэтому социальное страхование всегда стоит одинаково для работодателя. В отношении каждого работника, независимо от того, каков у него индивидуальный риск возникновения этих самых страховых случаев.

Но эта логика неприменима к самозанятым работникам, потому что здесь нет работодателя, и этих проблем не существует. И солидарность для них не нужна. Мы уже видели это на примере самозанятых, которые были искусственно интегрированы в пенсионную систему. Мы получили, что они замечательно выплачивают символические платежи от МРОТ, но при этом имеют по полной программе все солидарные льготы, которые есть в этой системе. Прежде всего, фиксированный базовый размер, который они получают просто задаром, за счёт наёмных работников.

Что это за система? Кому она нужна в таком виде? Я считаю, что в профналоге была заложена правильная идея о том, что от этого налога не идёт никаких отчислений в Пенсионный фонд, и у них не будет формироваться пенсионных прав. Им об этом четко скажут. Не хотите полноценно участвовать в платежах, не рассчитывайте на получение пенсии из этой системы. Страхуйтесь отдельно. Механизмы созданы. Есть система НПФ, где вы прекрасно можете сами сберегать себе на пенсию. Можете жизнь застраховать. Это вопрос, касающийся всех самозанятых работников (независимо от их вида). Нам надо четко понимать, что единого подхода при разных формах занятости больше не будет.

Для разных категорий должны быть разные механизмы социальной защиты, разные источники финансирования. Если заработная плата у нас усыхает, если будут внедряться все больше и больше роботы, автоматы, которые не получают зарплату, но производят прибыль, за которых не делаются отчисления в фонды социального страхования, то понятно, что фонд заработной платы как основной источник формирования социально-страховых прав, их обеспечения, работать не будет. Если мы не найдем другого источника, то эта система бессмысленна. Ее надо закрывать.

Таким источником, наряду с заработной платой, может быть часть предпринимательской прибыли. Это вполне логично, поскольку новая занятость производит прибыль, а заработную плату - нет. Можно увязать: если фонд заработной платы не растет на определенный процент, который необходим для поддержания автономности системы социального страхования, то часть платежей из фонда прибыли должна идти именно туда, а не в субъекты РФ. Это в большей степени связано с трудовыми отношениями. Те, кто ее производят, должны быть защищены в первую очередь.

И третий момент. Пенсионный возраст. Я не хотел бы смотреть на него с той позиции, о которой сказал Александр Львович [Сафонов]. Он рассказывал много, подробно. И вообще, бессмысленно обсуждать, когда решение уже принято. Все равно ничего изменить уже невозможно. Пенсионный возраст мне интересен в данном контексте как то, что произошло со страховым случаем в классическом обязательном социальном страховании.

Классическое обязательное социальное страхование, придуманное Бисмарком, зародилось, прежде всего, на случай утраты трудоспособности от разных причин – вследствие инвалидности, временной нетрудоспособности, беременности, родов, старения: понимая, что человек становится нетрудоспособным, теряет источник дохода и не может себя сам содержать своей трудовой деятельностью, и этот выпадающий доход нужно заменить страховым источником, то есть пенсией или пособием.

Вот эта идеология, на которой все держалось, сейчас размыта, потому что пенсионный возраст впервые у нас в стране определен безотносительно оценки состояния трудоспособности. Он определен исходя из финансовой нагрузки, которую несет Пенсионный фонд. Можно спорить, справедливо или не справедливо она определена. По крайней мере, именно это было поставлено во главу угла при определении пенсионного возраста.

Он, скорее, теперь, связан с периодом выплаты пенсии, нежели с периодом утраты трудоспособности. Это совершенно другой страховой случай. Это не страховой случай в социальном страховании. Поэтому возникает вопрос. Если страховой случай так

модифицировался, и страхуется теперь не утрата трудоспособности, а (я извиняюсь за термин, но эта негативная коннотация, привнесенная законодательством) дожитие до определенного возраста, то это типичное коммерческое страхование, которое не имеет никакого отношения к взаимоотношениям работника и работодателя. Это индивидуальный риск, который каждый человек должен страховать сам, если он хочет. Поэтому тут мы должны предложить совершенно новые подходы, которые могут заключаться в том, чтобы оставить в качестве универсальной страховой пенсии только пенсию по инвалидности, отражающую типичное рисковое страхование (инвалидность может наступить, а может и не наступить).

У кого-то это состояние наступает, у кого-то нет. Но все должны быть защищены применительно к этому риску. А вот что касается старости, коль мы ее теперь вывели из разряда страховых случаев, определяя условия назначения пенсии не как наступление нетрудоспособности, а как наступление случая дожития, пусть это будет частным делом каждого человека. У него будет возможность через систему тех же НПФ или частных страховых компаний застраховать эти риски. То, о чем и говорил Евгений Шлемович [Гонтмахер]: о подключении, об интеграции коммерческого страхования в систему социальной защиты. Пускай тогда риск дожития до возраста страхуется через эту систему. Тогда через совмещение механизмов мы добьемся той защиты, которую можно будет на этом этапе времени реально осуществить.

Теперь что касается источников финансирования. Я уже частично об этом сказал. Но еще бы добавил один тезис. Мы с Андреем Степановичем Кигимом сейчас разрабатываем очень интересную тему социальной матрицы. Она пока еще не готова. Мы ее представим, когда она будет готова. Но что это такое? Это, по сути, великий передел. Это передел источников. Сейчас нужно очень серьезно посмотреть на всевозможные виды социальных рисков и ограничений жизнедеятельности, которые возникают в течение всей жизни человека, четко их инвентаризировать, распределить, классифицировать и понять, за счет какого источника они должны финансироваться. У человечества есть всего три источника, которые могут быть задействованы. Это средства работодателя, за счет которого сегодня финансируется социальное страхование. Средства бюджета, которых всегда мало, за которые огромная конкуренция, потому что у бюджета огромное число задач, и приходится выбирать приоритеты. Там действуют лоббисты. А вы знаете, что у социальных расходов плохие лоббисты, слабые. И наконец, человек, его источник, самозащита, его возможности финансирования.

И вот тут мы должны создать новую комбинацию из этих трех источников применительно к различным рискам. Это и будет матрицей жизненного цикла человека.

Например, Евгений Шлемович [Гонтмахер] говорил о следующем. Надо ли нам за счет средств работодателя финансировать медицинское страхование? Там нет возмездности взносов. Заработная плата и взнос, который от нее идет, никак не влияет на объем получаемого обеспечения. Медицинская помощь не зависит от того, сколько за кого заплачено. Она должна оказываться совершенно по другому стандарту. Тогда зачем нам эта страховая возмездность для организации и финансирования здравоохранения и медицинской помощи? Может быть, правы те страны, которые ее финансируют из бюджета, комбинируют бюджетное и частное финансирование самого потребителя?

Может быть, это логично - снять с социального страхования эту ношу, и перенести ее на бюджет.

И наоборот. Мы увидели, что произошло, когда из социального страхования взяли занятость и перенесли на бюджет. Оно деградировало. Сегодня никто этим страхованием по безработице, в бюджетном его варианте, не пользуется. Оно бессмысленно. Оно мнимое. Так может быть, наоборот, вернуть его, чтобы тут была прямая связь между взносами, обеспечением и страховым риском? Вот таким образом.

Я не буду углубляться. Можно анализировать каждую позицию, смотреть, где уместны страховые способы, где уместны бюджетные способы, а где и личные средства. Например, в том же страховании на случай потребности в длительном дорогостоящем уходе. Мне кажется неудачным термин «долгосрочный уход», потому что уход может оказаться не долгосрочным, но это все равно уход. Это не меняет его содержания. У юристов был прекрасный термин – «постоянный посторонний уход», который четко отражает то, о каком явлении мы говорим. Для этого нужно формировать личные страховые средства. Это что касается источника.

И последний тезис. Евгений Шлемович [Гонтмахер] его затрагивал. Сейчас тоже много дискуссий на этот счет. Пресса активно пишет. Недавно Александр Николаевич Шохин высказывался. Это вопрос объединения фондов. Абсолютно согласен с Евгением Шлемовичем [Гонтмахером]. Это последнее из того, что нужно обсуждать. Дело не в объединении фондов. Надо решить вопрос о том, в чей собственности находятся средства социального страхования. Здесь парадигма «государственные» и «негосударственные» не подходит. Страны, которые впереди нас в развитии социального страхования исторически и ментально, давно выработали форму. Это публичные средства. В этом симбиоз. Общественные средства. Недаром применяется особенная форма собственности, общественная или публичная форма собственности, которая в нашей Конституции не отражена. Там только государственная и частная. Но Конституция не закрывает перечень, оставляя его открытым. Такой вид собственности может быть введен ГК. Он должен быть введен для того, чтобы мы могли эти средства обособить и придать им совершенно особый характер, с точки зрения защиты и управления ими.

Если мы этот вопрос решим, то сможем упорядочить многое. Сегодня, когда идет дискуссия и упоминаются в различном контексте госучреждения и иные виды юридических лиц, эта дискуссия идет в парадигме государственная или частная собственность. Госучреждение - государственная собственность, где по всем обязательствам отвечает государство. Публично-правовая компания, как это не показалось бы парадоксально, это частная собственность. Это государство отдает публично-правовой компании деньги, они становятся частной собственностью этого юридического лица. Дальше государство не отвечает ни по каким обязательствам этой публично-правовой компании. Ни одна из известных сегодня организационно-правовых форм не подходит для управления средствами социального страхования.

Зачем нам пытаться приспособить чужой костюм под нашу нестандартную фигуру, если его проще сшить специально для этой нестандартной фигуры. Поэтому нужна специальная организационно-правовая форма, соответствующая этой особой форме собственности. Здесь бюджет, сопоставимый с федеральным, и они не имеют права на

самостоятельную организационно-правовую форму? И на особую форму собственности? Имеют. Это будет беспрепятственно проведено через соответствующие структуры. Но эта форма должна базироваться на публичной собственности, из которой будет вытекать трехстороннее управление.

Евгений Шлемович [Гонтмахер] говорил о вопросе тарифа. Тарифная политика должна была бы проводиться не государством, то есть не правительством, а всеми тремя социальными партнёрами консенсусно. Правительство ее проводит по одной логике. У правительства много задач. Ему нужно стимулировать бизнес. Поэтому проводя тарифную политику, правительство думает обо всех этих проблемах. А тариф должен вырабатываться путем диалога социальных партнеров, он должен корреспондировать с коэффициентом замещения. То есть работодатели и работники должны договориться об этих двух сторонах одной медали. Какой тариф будет посилен для работодателя. Но какой коэффициент замещения будет приемлем для работника, будущего пенсионера или получателя страховых выплат. Вот об этом они должны договориться, здесь должны достигнуть баланса. А не правительство должно им навязывать свое понимание и видение.

Правительство должно только оформить решение, которое они примут, и не более того. Вот когда будет решен ключевой вопрос: тариф – коэффициент замещения, все остальное – дело техники. Это задача профессионалов – выстроить ту систему, которая будет вытекать из этих основных параметров. Вот это подлинное социальное партнерство. Это полноценное, трехстороннее управление системой социального страхования. Если мы к этому подойдем, тогда я считаю, что мы действительно создали предпосылки для реформы системы социального страхования. На этом я бы ограничился, чтобы иметь возможность поговорить с коллегами. Спасибо!

Оксана Синявская: Я хотела бы до начала общей дискуссии, до выступления дискуссионанта предоставить слово Андрею Степановичу Кигиму, которого на самом деле эта тема прямо, профессионально касается. Я думаю, что Вам есть, что сказать.

Андрей Кигим: Спасибо большое! Во-первых, всегда с удовольствием прихожу на такие мероприятия, потому что это возможность подпитаться мыслями, знаниями, которые накопили другие люди. ЦСР, научные институты – это те площадки, где такая возможность наиболее эффективно реализуется. В данном случае я белая мышь, на которой ученые ставят опыты. Я должен ответить на все вызовы, которые прозвучали из уст трех достаточно серьезных людей. Гонтмахер задал непростой посыл. Это возможность выбора у человека, как он хочет выбирать свою страховую или социальную защиту. И как должна выглядеть система управления. Что эффективнее, государство, бизнес или ГЧП, в данном случае трипартизм.

Юрий Викторович [Воронин], как великий методолог все время задает самые серьезные вопросы. Я на 100 % присоединяюсь к тому, что он сказал. Разве важно, как мы назовем фонд? вопрос в том, какие в него заложены принципы. То, что сегодня эти принципы обсуждались, говорит о том, что на уровне экспертов, которые занимали высокие государственные должности, этот социальный запрос настолько вызрел, что превращается в реально ощутимую форму. Подходы Юрия Викторовича [Воронина] для меня очень важны, потому что он задает матрицу управленческих государственных

решений, определяя источники, виды покрытия. Главный вопрос, который сегодня возникал, а нужно ли вообще социальное страхование.

Я на это отвечу очень просто. Мы готовы сегодня в ситуации, когда попадем в ДТП, и водитель скрылся с места ДТП, оказаться в инвалидном кресле без средств к существованию? Наверно, лучше, чтобы кто-то нам за это заплатил. Мы сегодня готовы к тому, чтобы работодатель, у которого машинист, работающий на кране, сработал некачественно: машинист упал, кран рухнул на дом, на проезжую часть, пострадали люди. Такие случаи происходят каждый день. И возникает вопрос: где мы возьмем деньги?

Конечно, Юрий Викторович [Воронин] задал самый сложный вопрос об источниках: бюджет, страховка или личные сбережения? А у всех ли есть личные сбережения? И мы с вами видим, что, например, ЦБ для защиты личных сбережений в минимальном объеме задал планку по страхованию вкладов, по-моему, до 1,5 млн рублей, а сверх – это твой риск. Конечно, большинство населения нашей страны не хотят разбираться в банковском балансе. Они говорят: обеспечьте мне гарантию, и я готов держать в любом банке, если государство заплатит.

Эти вопросы, конечно, у Юрия Викторовича [Воронина] звучат очень серьезно. И мне они гораздо важнее, чем вопрос о правовом статусе фонда (будь то государственный фонд социальный, государственный внебюджетный, или какой-то иной). Конечно, кроме казачества, потому что тогда придется жить в степи, седлать лошадей, и к этому, наверно, мы уже не готовы.

Александр Львович [Сафонов], на самом деле, подпитал дискуссию цифрами, потому что когда стратегии должны определить путь развития вперед, по сути, должны быть маяки, должны быть освещенные управленческие аллеи, по которым видно, туда ли мы идем? На ту ли группу мы ориентировали? Мы все помним Великий шелковый путь. Его же нет сегодня. Почему? Рынки труда исчезли. Рынки государств поменялись. История осталась. Поэтому расходование средств, куда нам нужно на ближайшие 20-30 лет потратить деньги, это самая серьезная вещь.

В связи с этим, я хотел, может быть, кроме общей поддержки того, что было сказано, высказать несколько тезисов. Во-первых, я считаю, что дискуссия очень важная, и жалко, что, может быть, нет, действительно, Владимира Станиславовича Назарова, но мне казалось, что в дальнейшем нужно было бы начинать дискуссии с двух моментов: с определения глоссария и базы данных для использования в расчетах.

И в этом отношении, наверно, Минэк и Минфин идут самым важным путем. Они говорят: ребят, давайте сделаем открытые базы, предоставим к ним доступ, и дадим возможность дискуссии о развитии перейти в другое русло – математическое, что станет доказательством того, что мы не ошибаемся в расчетах. Тогда мы не ошибемся и в политических решениях.

О чем жалею. Наверно, я жалею о том, что сегодня, защищая бюджет в Минфине, мы не закладываем в каждом фонде хотя бы по 1,5-2 млрд рублей на исследования. Актуарные, медицинские исследования, исследования структуры человеческого капитала и будущего

рынка труда. А ведь каждый фонд должен был такие деньги заложить, и эти деньги должны быть заложены не в рамках Академии наук. Академия наук может быть одним из исполнителей. Но мы сегодня видим, что...

Людмила Ржаницына: Вы не волнуйтесь, у нас в Академии вообще нет денег.

Андрей Кигим: Вы знаете, мы, поскольку на социальном мероприятии, волнуемся за всех. А в первую очередь, за тех, у кого нет денег. Это не свидетельствует об уровне бедности. Это свидетельствует об уровне не эффективности использования нами научного потенциала, накопленного в нашей стране. И с этой точки зрения, конечно, обращаясь к Минэкономразвития, который здесь присутствует, как частное лицо, в данном случае, я обращаюсь, как частное лицо к частному, а не как чиновник к чиновнику.

Конечно, я считаю, что с господином Карагодиным надо было вступить в дискуссию о том, что на ближайшие три-четыре года для реформирования социальной сферы нужно было бы заложить серьезные деньги на НИР. И фонды могли бы быть заказчиками, институты, в данном случае, как ЦСР или Высшая школа экономики, быть постановщиками задач. Такие исследования надо провести.

Самый сложный момент, на мой взгляд, в сегодняшней дискуссии, это, конечно, вопрос об источниках покрытия, откуда берутся деньги. И здесь Юрий Викторович [Воронин] прав. Он делает важную вещь: матрицирование рисков, матрицирование источников.

Но есть еще один момент, это будет система индивидуальная или солидарная? Сегодня, наверно, большинство из нас говорит: слушайте, давайте мы поддержим Евгения Шлёмовича [Гонтмахера] (я сам его лично поддерживаю), давайте дадим людям вариативность. Но, я бы хотел объяснить на примере Фонда соцстраха, где вариативность может быть, а где вариативности не может быть, если мы не найдем ответ, как закрыть долги бывших пострадавших.

В ОМС, заметьте, мы с вами платим тариф каждый год. Я сравню это у страховщиков с имуществом страхования. Вы страхуете свои дачи. Дача не сгорела, кому деньги достались? Страховой компании. Почему? Она взяла на себя солидарный риск. А что такое страхование жизни? Негосударственное пенсионное страхование? Пенсионное страхование государственное? Или страхование на производстве?

С человеком произошел несчастный случай, кто ему будет теперь всю жизнь платить? Поэтому переход от системы солидарной к системе комбинированной потребует и ответа на вопрос, что делать с накопленными обязательствами. Этот вопрос следует включить в матрицу расчетную для того, чтобы, принимая управленческое решение, мы, может быть, приняли бы во внимание следующий момент. Давайте мы тогда ответственность по предыдущим выплатам перенесем на Минфин, и путь она будет оплачиваться из Минфина.

А если мы дадим людям вариативность, если мы заставим человека заботиться о себе индивидуально, как это сделать? Немцы прошли некий путь следующий. У них было ОМС и ДМС. Чем они отличались? В ОМС было, условно говоря, не претендуя на научную чистоту, десять видов выплат, минимальный риск. А все, что ты хотел индивидуально, –

заказывай индивидуально. Но при этом было разделение по зарплате. Если зарплата меньше 4,5 евро в месяц, – только ОМС. Больше – ДМС. И оказалось, что часть лентяев не покупает страховки, а когда с ними происходит несчастный случай, им надо платить, но из какого источника? Они богатые, а дэмээсовскую страховку не купили.

И немцы поменяли терминологию. Они все называли ОМС. Но они назвали минимальным ОМС, которое было раньше минимальным набором услуг, а то, которое было добровольным, они называли ОМС с индивидуальным планом. То есть ты обязан купить страховку добровольную, почему? Ты [с твоей высокой зарплатой] не можешь обременять медицинский бюджет. Наверно, мы сегодня тоже к этому подходим. И в этой ситуации, наверно, мы говорим о том, что такая форма страховки могла быть солидарной и индивидуальной. В рамках матрицы, о которой сказал Юрий Викторович [Воронин], определено, в том числе, где может быть добровольно (ты захотел и купил, и это индивидуальная страховка), а где обязательно, потому что без нее нельзя жить и работать.

Что касается технических моментов. Мне казалось, важно было бы поставить на такой дискуссии вопрос о человеческом капитале. Сегодня мне видится, что многие работодатели столкнулись с проблемой нехватки трудовых ресурсов. И если в начале 90-х их концепция была: уберите от нас непрофильные активы – детские садики, больницы, потому что был переизбыток рабочей силы, и можно было дешево купить кого хочешь. Сегодня этого нет. И работодатели начинают ценить человеческий капитал. Это очень важный момент.

Мне казалось, что в рамках сегодняшней дискуссии имело бы смысл поднять вопрос о том, что часть баз данных можно объединить для того, чтобы работодатель лучше знал, как страдает его человек. Согласитесь, если работодатель потратил 100 тысяч долларов на своего работника на переподготовку, ему же неважно, от чего он умер, – от того, что упал с башенного крана, или из-за того, что у него аппендицит, который неправильно вылечил врач. Он потерял деньги. Значит, в этом отношении мы с Минздравом сторонники, идти по пути единой медицинской карты.

Мы считаем, что все данные о медицинских осмотрах должны быть унифицированы и накапливаться по принципу экстерриториальности в единой карте, которая должна быть основой для Минздрава, для работодателей, в части, касающейся контроля за человеком.

О чем говорит Евгений Шлёмович [Гонтмахер]? Он говорит, а можно ли оставить человека одного без поддержки? Нет. А вследствие возникновения такой единой карты появится целый пласт социальных консультантов, которые будут иметь доступ к базам данных по человеческому капиталу, и давать рекомендации работнику по тому, что ему выбрать, и по контролю качества работы врачей.

Людмила Ржаницына: Экономисты без работы не останутся, да?

Андрей Кигим: Вы знаете, Бисмарк говоря о социальном страховании, желал «наделить огромные массы неимущих правом на пенсию и таким образом сделать из них добропорядочных консерваторов, так как человек с пенсией разительно отличается от

своего собрата без оной...им куда легче управлять». Он открыто признавал, что это идея «государственного социализма». А вопрос заключается в том, что страна должна быть такой богатой, чтобы она давала людям возможность реализовать свой потенциал. Приведу пример банков. Заметьте, мы сегодня знаем, что есть масса консультантов, которые рассказывают, как купить акции, облигации, золото и недвижимость. А разве в социальной сфере мы не дошли сегодня до того, что должны появиться социальные консультанты, как новый вид социальной защиты, и той самой вариативной, о которой сказал Евгений Шлёмович [Гонтмахер].

Александр Сафонов: Это будет форма сопровождения?

Андрей Кигим: Конечно, да. Но есть ли такой патент, и есть ли такой классификатор? И, на мой взгляд, мобильные приложения сегодня показывают то, что если мы даем возможность телемедицине, то мы должны дать возможность доступа и телеконсультанту.

Поэтому я считаю, что для нас было бы очень важно сейчас этот путь пройти вместе с научными работниками. Может быть, сегодня устареют ИСы, как классы рисков. Мы считаем, что с Минздравом нужно унифицировать систему медосмотров. Но пойти от концепции человеческого капитала, потому что человек – это базовый ресурс.

Давайте будем регулировать медицинские осмотры через страховой тариф, обеспечим их качество в, потому что мы все хотим, чтобы наши родственники, да и мы сами были живы и здоровы. И поэтому вопрос социальной защиты в форме социального страхования, мне кажется, это вопрос для нас актуальный. Вот когда во всем мире будут роботы, возникнет иллюзия, что у нас не будет травм на производстве. Но у нас будет класс программистов, которые могут так запрограммировать роботов, как в фильме «Терминатор 3», в котором основная проблема заключается в том, что центр управления системой был оставлен без человеческого участия, и система SkyNet захватывает контроль, и люди вымирают как вид. Не дадим вымереть людям, оставим социальное страхование в человеческих руках. Спасибо большое.

Оксана Синявская: Спасибо большое.

Александр Сафонов: Оптимистично.

Оксана Синявская: Оптимистичная нота, да.

Андрей Кигим: Но, коллеги, я уже завтра могу из фонда соцстраха. Но я готов, куда бы я ни ушел, под всеми этими словами подписаться, потому что эти слова инвариантны и не конъюнктурны. И каждый докладчик здесь говорил об этом, потому что он смотрел на эту проблему и как госчиновник, и как человек науки, и как потребитель. И это, может быть, самое ценное в таких дискуссиях.

Андрей Кигим: Коллеги, давайте мы по итогам сегодняшнего мероприятия пригласим всех в фонд, покажем все наши базы данных. Вы знаете, когда мне депутаты пишут письма о том, что я не так обслужил инвалида, мы прошли некий путь, и мы теперь в Думе и в Совете Федерации поставили доступ к нашим базам данных. Я говорю: вы, перед тем,

как писать жалобу на меня в прокуратуру, войдите, проверьте и сделайте более качественную жалобу.

Людмила Ржаницына: Желаю туда обратиться, спасибо.

Андрей Кигим: Но вы посмотрите, у нас по всем инвалидам хранится вся история за последние 15 лет. Мы ведем персональный учет, не называя его персональным. И в этом отношении я как раз считаю, вы правильно говорите, что базы данных есть, но государство не делает их достаточно открытыми. Поэтому у нас возникает иллюзия, что, либо этих данных нет, либо решения принимаются неправильные. Поэтому, коллеги, еще раз. Я снимаю шляпу перед Гонтмахером, Сафоновым и Юрием Викторовичем Ворониным, и, по сути, если можно, к следующему году Фонд соцстраха нарисует картину «Три богатыря», потому что справиться с решением социальной проблемы, это дело не рядового человека. Это все-таки серьезная задача для витязей. Но это не будет камень с распутием, – частно-государственное партнерство или такое.

Александр Сафонов: Направо пойдешь, налево пойдешь...

Андрей Кигим: Да. Мне кажется, эти люди реально замахнулись на фантастически серьезную реформу. И я заинтересован их поддерживать. Спасибо.

Оксана Синявская: Спасибо большое. В порядке небольшой разрядки, есть ли у участников короткие вопросы? Да, пожалуйста.

Татьяна Омельчук: Омельчук Татьяна, НИФИ. У меня один вопрос. Предлагается систему социального страхования оставить для наемных работников, а для самозанятых, считая, что у них взнос МРОТ небольшой, организовать новую систему, в частном порядке они будут что-то уплачивать, будут другие гарантии. У меня возникает вопрос, почему, когда за наемного работника уплачивается зарплата с того же МРОТ? Мы его оставим в системе социального страхования, хотя понимаем, что его взнос не обеспечит эти минимальные гарантии, гарантии прожиточного минимума пенсионера. А самозанятого, уплачивающего точно такой же тариф, мы исключим из системы социального страхования.

Александр Сафонов: Во-первых, Татьяна, чтобы не было опять манипуляций, а кто из самозанятых уплачивает тот же самый тариф? Они платят, напомним, 4% и 6%. Они всего платят 6 и 4%, включая все, в том числе, НДС, нагрузку в виде НДС, и так далее. Поэтому, уравнивать нагрузку на Фонд оплаты труда на занятого в стандартных трудовых отношениях, абсолютно неправильно. Потому что государство получило с его заработной платы 20% сейчас, 13% – подоходного налога заплатили, и плюс еще взносы во все фонды, которые приближаются к 30%, формальная ставка. Поэтому, это неравновесные взаимоотношения.

Плюс, ко всему прочему, еще раз не забываем, что стандартно занятость там значительно больше, и работодатель, в том числе, платит, например, оплачивает ему три дня больничных, тоже специфическая особенность.

Татьяна Омельчук: Можно я уточню вопрос? Тут просто была произнесена фраза, что самозанятые платят с МРОТ. С МРОТ платят не самозанятые по новой системе, а индивидуальный предприниматель, который платит взнос с МРОТ. Я про эту категорию.

Почему они должны оказаться в другой системе? Если мы на всех самозанятых распространим тот же взнос, по желанию, с того же МРОТ, то они будут платить ровно столько же, сколько за наемных работников конкретно в систему пенсионную, это меня волнует. Почему мы их исключим из этой системы? А тот же самый тариф, который уплачивает работодатель, будем считать достаточным. У меня вопрос просто про тех, которые сейчас платят с МРОТ, эти 26 условных процента умножается на МРОТ, и получается их фиксированный взнос. Почему мы делим этих людей? У них взнос совершенно одинаковый на сегодняшний день.

Юрий Воронин: Взнос не одинаковый.

Татьяна Омельчук: Я говорю про взнос в пенсионную систему.

Юрий Воронин: Взнос не одинаковый, юридически разный. Мало того, что для самозанятых взнос фиксированный (в 2019 г. – 29354 руб.), так он теперь ещё и не индексируется при росте МРОТ, как происходило ранее. Если величина дохода самозанятого за расчётный период превышает 300 тыс. руб., то он к фиксированному взносу платит всего лишь 1,0% от суммы превышения, но не более восьмикратного фиксированного взноса. Поэтому абсолютно не сопоставимый тариф льготный для этой категории граждан, с тем тарифом, который выплачивается за обычных работников.

Более того, в отличие от наемных работников, у которых установлен пониженный тариф, например, для айтишников, где бюджет компенсирует эту разницу Пенсионному фонду, по самозанятым никакой компенсации не происходит. И это абсолютно неравноправное положение, потому что эти люди получают, с точки зрения выплат из Пенсионного фонда, несопоставимо больше, чем они туда вносят. И при этом еще каждый раз они создают политическую проблему, заявляя о том, что с них много берут, они вынуждены закрывать бизнес. Давайте не создавать такую проблему.

Знаете, солидарность, как принцип, может быть между однородными работниками. Какая может быть солидарность между работниками наемными, работающими полный рабочий день, соблюдающими правила внутренней трудовой дисциплины и определенные требования. И людьми, которые, знаете, как в рекламе: хочу – работаю, хочу – не работаю, сегодня – выходной, завтра – не выходной. Какая может быть солидарность между такого рода работниками? Солидарность, она однотипна. Поэтому речь идет только о том, что солидарности быть не может. Не могут наемные работники, ну, не наемные работники, их работодатели, финансировать те недоборы взносов, которые происходят в отношении самозанятых работников.

И это была амбиция XX века, когда пытались всех интегрировать в одну систему. Надо отдавать себе отчет, что амбиция была неправильная. И страны, которые были поумнее, они все-таки для специфической категории людей делали отдельные системы, понимая, что, пускай они играют там по своим правилам. В Польше, так вообще два пенсионных фонда, – для рабочих и служащих, и для колхозников, потому что разный уровень заработной платы. Потому что не должен промышленный сектор субсидировать аграрный сектор. Это не их задача.

Речь идет только о том, чтобы четко развести обязательства, чтобы не было солидарного субсидирования этой категории людей. Хотят – страхуются, не хотят – не страхуются, берут риски на себя. Но их специфика организации труда именно к этому располагает, – отсутствие работодателя, отсутствие постоянной работы. Поэтому пускай сами делают выбор в отношении себя. Я считаю, что это логично. Но это тема для обсуждения. Никто же ничего не навязывает.

Татьяна Омельчук: Но если вы этих людей выбросите из системы, то государство у нас социальное, все равно будет гарантировать тот же прожиточный минимум, только эти люди, вообще, ничего не заплатят.

Юрий Воронин: Получат социальную пенсию, а это уже вопрос всего общества, к социальному страхованию отношение не имеющих. Не думаю, что получить только в 65/70 лет федеральный ПМ в виде социальной пенсии, это хороший выбор. Гораздо лучше сберечь себе на негосударственную пенсию.

Людмила Ржаницына: Юрий Викторович, не надо социальную пенсию. Надо сделать просто социальное пособие по бедности.

Евгений Гонтмахер: Татьяна, вы путаете проблемы сегодняшнего дня и проблемы, которые мы поставили в докладе. Смотрите, мы же не даром говорим про единый тариф индивидуализированный, персонифицированный. Как это должно быть? Конечно, только после определенного, достаточно длинного переходного периода, о чем сказал Андрей Степанович [Кигим].

Условно говоря, приходит молодой человек, который только вступает в трудовую жизнь. Он обязан прийти и застраховаться. Мы все-таки считаем, что это его обязанность. И ему предъявляют страховое «меню». Говорят: ты можешь не платить, условно, 30% в эту систему, ты можешь платить 5%, пожалуйста. Но у тебя в обмен будут вот такие-то, такие-то гарантии по твоим рискам. Это твой, я еще раз повторяю это важное слово, – выбор. Вот к чему мы должны идти. И тогда решается проблема. Мы же не говорим сегодня о системе социальной защиты. Конечно, она должна параллельно существовать для людей, которые в силу разных каких-то обстоятельств, не подключились к системе соцстраха. Конечно, общество не может остаться равнодушным к тому, что люди, допустим, получают доход, условно говоря, ниже прожиточного минимума, правильно? Там уже другие механизмы. Там какие-то другие выплаты, другие, прежде всего бюджетные источники, пособия по бедности, еще что-то. Надо вот это понимать, а не спорить о том сейчас, что вот, правительство собирается этих отключить, этих включить. Это повестка вчерашнего дня.

Оксана Синявская: Еще один вопрос на уточнение, и мы дадим слово дискуссантау, и дальше перейдем к общей дискуссии, у вас вопрос?

Людмила Ржаницына: Скажите, пожалуйста. Исчез вопрос о субъектах, извините, социального страхования. Вы же знаете...

Юрий Воронин: Каких?

Людмила Ржаницына: Как каких? Прошу прощения, скажите, пожалуйста, я должна платить социальное страхование? Как платила один процент, кстати, вы же помните?

Юрий Воронин: Мы об этом говорили.

Людмила Ржаницына: Нет, хорошо, во всем мире страхование строится как? Платит работодатель, платит работник. Сколько лет предлагаем, чтобы все-таки эта система была здесь, как говорится, вы же говорите о выборе? Евгений Шлёмович, если я не плачу, какой выбор, объясни, пожалуйста. Если все делается за меня, да?

Евгений Гонтмахер: Мы же предлагаем работнику его активизировать.

Людмила Ржаницына: Нет, так я скажу, если я деньги не плачу, все валится с неба все равно, понимаете, какая штука?

Юрий Воронин: А куда ваш один процент делся, не помните, Людмила Сергеевна?

Людмила Ржаницына: Я помню, что его присоединили к налогу в 2005 году.

Юрий Воронин: К какому?

Людмила Ржаницына: Забрали и все.

Юрий Воронин: Нет. Его присоединили в 2000 году к НДФЛ по инициативе Минфина.

Людмила Ржаницына: Опять они!

Юрий Воронин: Когда социальный налог вводили, то 1% страхового взноса с работника не укладывался в социальный налог, и его в НДФЛ влили. Вот так он был потерян. Поэтому, это вопрос не к социальному страхованию. От этого источника социальное страхование не отказывалось. Наоборот, предполагало его со временем увеличивать.

Людмила Ржаницына: Но если у нас известный фонд зарплаты, извините, это 40 трлн, не меньше, почему нам его снова не вернуть? Я, кстати, Олега Яновича очень поддерживаю. Прочитайте, пожалуйста, его статью в «Медицинской газете», опубликованной 27 или 25 февраля этого года. Там он пишет о том, что если население не будет платить, понимаете, какая штука, ничего не будет.

Юрий Воронин: Мы об этом все пишем, так что мы с ним солидарны.

Людмила Ржаницына: Для того чтобы население платило, надо прибавить зарплату, прошу прощения за такую мелкую подробность.

Юрий Воронин: Вот в этом-то все и дело.

Людмила Ржаницына: Да, но включив в зарплату отчисления в страховую систему, и поднять ее. При любом повышении зарплаты...

Евгений Гонтмахер: Вы обездолите миллионы людей этим решением, Людмила Сергеевна, поверьте мне. Наш работодатель, при всем уважении к нему, я был вице-президентом РСПП, я знаю людей. Это в бюджетной сфере вам могут повысить зарплату на то, что вы будете платить. А на многих, особенно малых и средних предприятиях работодатель сделает так, что это все вы будете платить из старой зарплаты. И все. И вы тогда будете за это отвечать.

Людмила Ржаницына: Евгений Шлёмович, когда нет государства, невозможно найти решения, это правда. Вот так.

Юрий Воронин: Людмила Сергеевна, невозможно же поднять зарплату директивным образом, вы это понимаете. Предложите механизмы, какими способами? Налоговыми, другими? Экономическими механизмами можно было бы стимулировать работодателя поднять заработную плату. Ее пытались стимулировать снижением страховых взносов. Не получилось. А других способов не обсуждалось.

Оксана Синявская: Коллеги, я предлагаю переходить к обсуждению, потому что мы уже довольно долго заседаем. Прежде, чем передать слово Валентину Дементьевичу Роику, я бы хотела поблагодарить всех трех докладчиков за очень интересную постановку вопроса, потому что мы до сих пор не делали системной диагностики того, что происходит в разных отраслях социального страхования, если понимать его в широком смысле. И доклад, и прозвучавшие сегодня выступления как раз эту диагностику делают.

И здесь я бы хотела отметить, на мой взгляд, важный вопрос и о форме собственности, который поднимал Евгений Шлёмович [Гонтмахер], и о том, что, мы не обсуждали еще базовых принципов, на которых должна существовать система обязательного социального страхования. И того, насколько сложившаяся в России система соответствует тому, что есть в других странах, и тем вызовам, которые стоят перед ней. Я согласилась бы с тем, что не все социальные риски у нас закрыты, о чем говорил Евгений Шлёмович [Гонтмахер].

Мне очень понравилось и в докладе, и в прозвучавших выступлениях идея про большую индивидуализацию системы обязательного социального страхования. Это, вообще, на мой взгляд, тенденция XXI века: мы об этом же говорим, обсуждая семейную политику и разные другие сферы социальной политики. Потому что увеличивающееся разнообразие и жизненных траекторий, и условий, в которых существуют люди на протяжении жизни, диктует необходимость увеличивать индивидуализацию и персонификацию условий, по которым человек страхует свои риски.

Хотя, одновременно с этим, в предложенном подходе большей индивидуализации и возможности расширения выбора, мне видятся определенные риски. Я была бы рада, если бы это тоже прозвучало сегодня в дискуссии: насколько хорошо мы сами можем оценивать собственное будущее и собственные риски. Да, мы можем сказать, что я сейчас оцениваю свою нынешнюю ситуацию из того объема информации, которым располагаю; к примеру, сегодня я могу сказать, что, о'кей, да, я буду больше направлять деньги на пенсионное страхование, а ОМС и страхование, например, долговременного ухода мне требуется меньше. Но ведь обстоятельства могут измениться не под влиянием даже моей воли, либо я могу не учитывать какую-то информацию.

И, на мой взгляд, эта ситуация с недостаточной информированностью выбора ставит вопрос ответственности выбора, и его обоснованности. И здесь мне в чем-то ближе позиция, которую озвучил Андрей Степанович [Кигим], ссылаясь на немецкий опыт, о том, что должен существовать не столько добровольный выбор, сколько некий объем минимальных гарантий и взносов, соответственно, и некая индивидуальная траектория.

Но не буду узурпировать свое время, как модератор. Я бы хотела передать слово Валентину Дементьевичу Роику. Пожалуйста.

Валентин Роик: Уважаемые коллеги, сегодня мы обсуждаем актуальный вопрос – пути совершенствования социального страхования. В России институциональная база, страховые и финансовые механизмы социального страхования еще только формируются, размеры пенсий и объемы качественной медицинской помощи для большинства получателей существенно ниже минимальных социальных стандартов, установленных международными организациями. Низкий размер страхового возмещения во многом объясняется заниженным объемом расходов на заработную плату, которая является базой начисления страховых взносов, — всего 24% ВВП. Крайне низкий уровень заработной платы в стране, ее запредельная дифференциация представляют собой суть «нервного узла» всех проблем в сфере доходов населения. Развязывание этого узла позволит уменьшить неравенство граждан при доступе к материальным и духовным благам, гарантировать возможность «зарабатывания» достойных пенсий и других социальных страховых выплат.

Эффективность системы социального страхования в решающей степени зависит от непосредственной включенности в нее самого работника, предполагающей, конечно, достаточный для участия в страховании уровень заработной платы. В этой связи возникает вопрос пропорции долевого участия работника и работодателя в финансировании пенсионного и медицинского страхования. Его решение зависит от покупательной способности заработной платы, которая после вычетов на налоги и страховые взносы остается в распоряжении работника. Если покупательная способность этой «чистой» заработной платы невелика, то большую часть нагрузки несут работодатели. Существенная заниженность же последней становится здесь непреодолимым препятствием для финансового участия работника и зарабатывания приемлемой по размеру пенсии (2,5-3,5 прожиточного минимума пенсионера). Так, расчеты свидетельствуют, что при уровне заработной платы до 30 тыс. руб. задача формирования достаточных по объему страховых ресурсов для пенсионного и медицинского страхования не имеет должного решения в рамках институтов обязательного социального страхования.

Для целей социального страхования важно, чтобы размер заработной платы позволял работникам финансово участвовать в пенсионном, медицинском страховании, страховании по безработице. Для этого заработная плата должна составлять не менее 4 прожиточных минимумов работающих, поскольку минимальный требуемый совокупный взнос в пенсионный фонд, фонд медицинского страхования, фонд страхования в связи с безработицей должен быть не менее 12-15 тыс. рублей в месяц. По нашим оценкам, только треть работников, заработная плата которых составляет более 4-х прожиточных минимумов (а это 8,9,10-й децили), могут финансово участвовать в пенсионном и медицинском страховании и то в минимальной степени.

Поэтому усиление страховых механизмов в России не возможно без регулирования заработной платы. Для этого необходимо *довести соотношение минимальной и средней*

заработной платы до соотношения не менее 40% (рекомендуемое МОТ - 50%). Данная мера позволила бы решить ряд других серьезных экономических и социальных задач, в частности, выйти на цивилизованные пропорции заработной платы (как доли в ВВП) в соотношении не менее 32-34% от ВВП, а также понизить страховую пенсионную нагрузку на работодателей. Кроме того, важно *снизить дифференциацию заработной платы по крайним децилям до соотношения не более 1 к 10*, что чрезвычайно важно для становления институциональной базы пенсионного страхования, для формирования системы достойной защиты пенсионеров и инвалидов (ориентируясь при этом не на суженную модель воспроизводства населения, а на расширенную - по качеству и в абсолютном выражении).

Вторым системным препятствием для формирования необходимых условий функционирования социального страхования является высокая дифференциация заработной платы и совокупных доходов населения. Дело в том, что финансовый механизм социального страхования эффективно функционирует, когда дифференциация заработной платы между крайними децилями составляет не более 1 : 6. Он начинает «давать сбои», когда этот порог составляет 1 : 10, а когда он превышен, то эффективность социального страхования резко падает, что и наблюдается в современной России.

Острой является проблема крайне низкого абсолютного уровня пенсионного обеспечения. Средний размер пенсии хотя и превысил прожиточный минимум и составил 170% его величины, однако абсолютные размеры пенсий более 15% пенсионеров остаются ниже прожиточного минимума, что вызывает необходимость дотаций федерального и региональных бюджетов с целью доведения абсолютных размеров пенсий до величин региональных прожиточных минимумов пенсионеров.

Совокупный объем страховых финансовых ресурсов Пенсионного фонда России, Фонда социального страхования и фондов обязательного медицинского страхования составляет всего около 9% ВВП. Столь низкая доля в расходах на цели социальной защиты застрахованных (в два-три раза ниже, чем в странах ЕС) позволяет выплачивать пенсии, составляющие в основной своей массе всего 30—35% (и ниже) размера предшествующей заработной платы, которая, в свою очередь, в пять-шесть раз меньше по сравнению со средними размерами заработной платы в целом по странам ЕС.

Кроме того, в последнее время все более очевидными становятся изъяны и недостатки в формировании механизмов социального страхования, которые носят характер системных и концептуальных просчетов, что в итоге блокирует дальнейшее развитие института социального страхования. Все это вызывает необходимость уточнения стратегии развития системы социального страхования в средне- и долгосрочной перспективе.

Широкий круг экономических, социальных и политических вопросов, которые связаны с выработкой мер, направленных на реформирование систем доходов населения, высокая социальная значимость преобразований для жизнедеятельности населения – все это требует тщательного анализа и выработки соответствующей общенациональной стратегии.

Важнейшими из них являются:

- 1) формирование системы обязательного социального страхования в связи с безработицей;
- 2) формирование системы обязательного социального страхования по уходу;
- 3) проведение налоговой реформы, направленной на гармонизацию доходов населения и уменьшение их дифференциации;
- 4) введение обязательных страховых платежей самих работающих в пенсионную систему, систему медицинского страхования, страхования по безработице и страхования по уходу.

Обеспечение финансовой устойчивости системы социального страхования России возможно с помощью вовлечения в этот процесс самих работников и установления жестких законодательных правил по увязке объема взносов и размеров пенсий и пособий.

В этой связи, мне кажется, что эти предложения, которые прозвучали, они очень серьезные, но, вы знаете, они должны быть выстроены в единую логическую цепь. А для этого требуется проверка с помощью специального инструментария. А специальный инструментарий это, прежде всего, набор важнейших критериев для обоснования целей.

Лет 15 назад я предложил, помимо трех классических принципов, – личной ответственности, солидарной взаимопомощи, субсидиарности, которые, кстати, у нас в стране не прописаны ни в одном из законов, дополнить четвертым принципом, – реципрокности – то есть ответственности за исполнение законодательных правил в этой сфере всеми субъектами отношений - работниками, работодателями и государством. Вы думаете, за 15 лет кто-то, хотя бы один человек, спросил, что это такое?

Я хотел бы еще раз поблагодарить Александру Вячеславовну, что она задумала такой большой программный продукт - серию обсуждений по этому вопросу. Мне кажется, это очень-очень продуктивно. Спасибо.

Оксана Синявская: Спасибо, Валентин Дементьевич. Я открываю дискуссию. У нас примерно около 15-20 минут на ваши комментарии по поводу прозвучавших выступлений. Пожалуйста, кто хотел бы? Давайте, Людмила Сергеевна.

Людмила Ржаницына: Извините за настойчивость. Евгений Шлёмович, насчет выбора. Все надо смотреть по практике, по пилотному проекту. Вы, конечно, знаете про материнский капитал. Выбрали они пенсию. Они требуют, просто в пенсионной системе бумажки требуют. Учли каждый трудовой год, их стаж за то, что они выхаживали, приравнять трудовую деятельность к выращиванию ребенка. Не взяли они это, все, что угодно, только не это.

Последнее, что я хочу сказать. А нужны ли фонды? Вы знаете, честно говоря, когда изобретаешь велосипед, так он и получается таким, каким он сейчас случился. На самом деле, вы меня простите, ведь эта система-- это система отношений работодателей и наемных работников. Я с этим полностью согласна. И давно предлагаю, и, слава Богу, сейчас Шмаков сказал, то есть позиция ФНПР такой стала. Дело в том, что не нужны фонды в этой системе. Нужны страховые кассы, как в Германии. То есть на предприятиях,

или группе предприятий, там тебе копеечку не дадут истратить зря, потому что коллектив наблюдает за вами, понимаете какая штука? И в том, что я предлагала...

Евгений Гонтмахер: Если вы репетитором работаете, какая касса, Людмила Сергеевна?

Людмила Ржаницына: Репетитор – лицо свободной профессии. Я же вам сказала, он не будет страховаться моей системой. Он будет страховаться системой свободных фрилансеров. Они, наконец, объединятся, сделают себе какой-то...

Юрий Воронин: Людмила Сергеевна, обзовем кассой. А суть-то в чем? Представляете, вместо Пенсионного фонда будет на Шаболовке пенсионная касса. А разница в вашем понимании в чем?

Людмила Ржаницына: Нет, разница, не фонд будет решать проблемы, распределять, и так далее, а будет именно касса.

Юрий Воронин: Саморегулирование.

Людмила Ржаницына: Да.

Юрий Воронин: Ну, так это главное, а не название.

Людмила Ржаницына: Да, естественно. Юрий Викторович, я же вас обожаю, особенно за то, что вы, когда была так называемая реформа, предложили единственное мероприятие реформирования, – это введение страхования по уходу. Вот тогда все это была ерунда, что там придумали, понимаете, какая штука? Я же не говорю, что формула - это хорошо, то, что формула вместо стажа и зарплаты. До сих пор никто из пенсионеров ничего не понимает.

Юрий Воронин: Формула формуле рознь. Содержание опять-таки.

Людмила Ржаницына: Я хочу сказать, что очень нужны институты. Что такое система? Это цель, это право, это, прошу прощения, исполнение, это финансы, это кадры. И если что-то в этой системе не работает, то, простите, не будет она работать, какие бы гениальные мысли тут не сказали. А это у нас как раз не получается, потому что чукча не читатель, чукча писатель. Законодатель наш, и власть, они, к сожалению, писатели, а не читатели, понимаете?

И последнее, что я хочу сказать. Все-таки строгости какие-то нужны. Не будет у нас ничего, если мы оставим, извините, социальную пенсию для тех, кто не работал и не имеет трудового стажа. Если она 9 тысяч, это даже лучше, я подожду. Я буду жить как-нибудь, а потом я буду знать, что, правда, далеко уже, в 70 лет, но, судя по мне, дожить можно до этих 70 лет. Так я лучше подожду, я буду наслаждаться и делать в жизни то, что я хочу, но наплевать мне на этого работодателя, на этого начальника, на эти налоги, и так далее, потому что мне все равно светит социальная пенсия.

Кто этого не понимает, честно говоря, я, конечно, не говорю, что 20-летние мои студенты говорят, что они не доживут до пенсии, но в 45 лет уже начинают люди понимать, что пенсия - это очень важно в жизни.

Юрий Воронин: Людмила Сергеевна, главное, не дожить. Вы размер этой социальной пенсии, вообще, представляете, – то, как жить на социальную пенсию? Это надо отдельное шоу снимать: жить на социальную пенсию.

Людмила Ржаницына: Вы меня простите, Юрий Викторович, а как живут бюджетники на зарплату, вы не знаете?

Юрий Воронин: Значит, они подрабатывают в другом месте в тени.

Людмила Ржаницына: Я-то думала, что 13 тысяч у бюджетников, - это обычная типичная; Сафонов же сказал, модальность. Что такое модальность в статистике, вы же знаете. Самая распространенная заработная плата 13-15 тысяч в любом регионе, представляете себе? Как они живут? Так что 9 тысяч, извините, на пенсию, когда ты уже...

Юрий Воронин: Людмила Сергеевна, значит, живут не на нее, есть теневые доходы.

Людмила Ржаницына: А как живут, я вам расскажу. Смотрите, сколько снимков помойки, пенсионеры у помоек. Прошу прощения, а в Москве вообще создана карта помоек, понимаешь? Может быть, это самое главное?

Юрий Воронин: Но вы сами сказали, социальная пенсия, это не такое благо, как это кажется. И вряд ли человек будет ждать социальную пенсию, чтобы жить на копейки. Людмила Сергеевна, я просто хочу сказать, ваш пафос замечателен, но, поймите, есть Конституция, есть 39 статья. Там написано: каждый имеет право на социальное обеспечение по возрасту. Это называется у специалистов принцип всеобщности пенсионного обеспечения. За него боролись. Как Валентин Дементьевич говорит, цивилизационное достижение. Это было бы странно, если бы мы сейчас начали от этого принципа отказываться.

Людмила Ржаницына: Юрий Викторович, юристы нас погубят, я давно говорила.

Юрий Воронин: Во всем виноваты юристы, я понимаю, да.

Людмила Ржаницына: Юрий Викторович, что такое социальное обеспечение? Введите пособие по бедности, оно, кстати, было установлено, потом исчезло, отменили. Было пособие по бедности. Для пенсионеров оно до прожиточного минимума существует. Почему для других не может существовать?

Юрий Воронин: Такое ощущение, как будто для вас эта терминология имеет определяющее значение. Хоть тушкой, хоть чучелом, – содержание главное.

Людмила Ржаницына: Юрий Викторович, а по налогам у меня давно есть предложение, – введите прогрессивный налог, и прогрессию отдайте в пользу Пенсионного фонда, вот так.

Оксана Сиянская: Коллеги, еще вопросы или комментарии? Представляйтесь, пожалуйста.

Вячеслав Батаев: Спасибо, Оксана Вячеславовна. Вячеслав Батаев, секретарь Пенсионного комитета РСПП. В докладе, как мне показалось, мощно прозвучала тема социального партнерства, принцип трипартизма. Вот финансирование, три источника: работник,

работодатель, государство. В этой связи пара возможных точечных решений. Первое, у нас в стратегии долгосрочного развития пенсионной системы и в основных направлениях деятельности правительства до 2024 года есть несколько направлений, два из которых повторяются и там, и там. Речь идет о необходимости трансформации института досрочных пенсий, и необходимости развития корпоративных пенсионных программ. Обе эти задачи можно было бы решить, передав систему досрочных пенсий в корпоративные пенсионные программы.

То, что не было сделано в начале нулевых, когда законопроект о профессиональных пенсионных системах не дошел до третьего чтения, прошел только первое. Если бы это решение было тогда принято, можете себе только представить, какая бы архитектура досрочных пенсий была бы у нас сейчас. То есть в рамках социального партнерства руками работодателей можно и сейчас красиво, политически ровно эту задачу решить. И систему досрочных пенсий реформировать. Это первое.

Второе. По ИПК (индивидуальному пенсионному капиталу). Решение точечное, концепция, которая сейчас обсуждается, и решение техническое, но с большими последствиями. В принципе, система автоподписки, и одновременное подписание при найме на работу двух договоров трудового и пенсионного, для мира норма – это норма, которая не вызывает антиконституционной аллергии, даже в странах с весьма либеральным государственным, судебным устройством, с постоянным расширением прав и свобод. Как это у нас пройдет, это еще вопрос, как у нас это решение будет реализовано – неизвестно.

Пару недель назад Всемирный банк анонсировал свой доклад, в котором они хвалят разработчиков концепции ИПК, то есть российскую версию этого международного, в принципе, реализованного решения. Но у них вызывает опасение система, при которой негосударственный пенсионный фонд выбирает не человек, а его работодатель. Они акцентируют внимание на коррупционных рисках, которые возможны при том, что выбирает работодатель, мотивируя это тем, что НПФ может предложить какие-то дополнительные льготы, преференции работодателю, чтобы его выбрали.

Напоминаю, что в силу закона исключительными видами деятельности негосударственного пенсионного фонда является негосударственное пенсионное обеспечение и обязательное пенсионное страхование. Никаких других видов деятельности НПФ не ведет, и никакими другими льготами и преференциями он заманить работодателями в лоно своего НПФ не может.

Мне как раз, наоборот, в отголосках таких концепций как ИПК видится риск того, что нам с вами, когда ИПК будет введено, НПФ будет определяться рандомно, автоматически, случайно. Мы насмешим весь мир, если реализуем эту систему. То есть, как это так? Мы все узнаем на следующий день, что вы, например, случайно в фонде «А», а вы – в фонде «Б», и так далее.

К чему я? Тезис социального партнерства, мощно прозвучавший в докладе, и мощно реализованный в течение четверти века, когда 6 млн человек у нас накопили триллион рублей в корпоративных пенсионных программах. Вот он, best practice, вон он бенчмарк,

вот она успешная система. То есть, есть триллион в корпоративных пенсионных программах, и 4 трлн всего с накопительной частью. Вот она успешная дорога. И если мы хотим обеспечить защищенную старость в меняющемся мире, то этот тезис о социальном партнерстве и сослужит добрую службу. Так как ИПК, мне кажется, для нас это не рыночная история, а история корпоративная. Спасибо.

Александр Сафонов: Можно? У меня предложение такое. ИПК - это Юрий Викторович проконсультирует, я по поводу страхования корпоративного, досрочного страхования. Начнем с того, что система досрочного страхования у нас была сформирована в советский период времени, и в большей степени она касалась решений, которые, отчасти, были вызваны объективными обстоятельствами, отчасти, результатами отраслевого лоббизма. И если мы посмотрим на то, как происходит трансформация системы профессионального риска, то в значительной степени профессиональный риск тоже меняет свою природу, и, соответственно, страхование вот этих рисков, должно трансформироваться.

Когда речь идет о досрочном корпоративном страховании, как правило, имеют в виду крупные компании, которые, действительно, растили у себя соответствующие негосударственные пенсионные фонды, то есть вкладывали туда деньги. Все было бы здорово, замечательно. Но как показывает практика, судьба этих фондов очень неустойчива, особенно в кризисный период. И у меня были личные встречи с представителями профсоюзов Ford и General Motors, когда они посещали Россию в 2009 году. И они говорили, что одна из больших проблем заключалась в том, чтобы обеспечить выполнение тех обязательств, которые существуют в рамках корпоративных программ, в первую очередь, по пенсионному страхованию, и по страхованию рисков.

Корпоративные программы никто не отвергает, но когда мы говорим о солидарности, то мы считаем, что вся система социального страхования - это предмет управления трехсторонних партнеров на равноправной основе. И система, связанная с фондированием, так сказать, вот этих взносов, безотносительно, в какой-то компании ты работаешь, но в любом случае с учетом всех отраслевых особенностей, просто в другом формате. Не отдельно в отрасли, а в рамках всей системы социального страхования.

Я не просто так начал с профессионального риска. Сейчас основная проблема, которая обсуждается в системе профессионального страхования, - это страхование от риска профессионального выгорания и психосоматических заболеваний. Первое, на что обращаю внимание. Наша система реагировать на эти риски не готова. Она их вообще не видит. Второе: как правило, эта система возникает на тех рабочих местах, которые сейчас в парадигме, созданной в 2012 году, через специальную оценку условий труда. Мы с Юрием Викторовичем [Ворониным] мы постоянно по этому поводу дебатировали.

Более того, вся система, как я уже говорил, как система тарификации была подстроена под решение каких-то ситуативных задач, так и система оценки условий труда подстроена тоже под вариативность. У вас она есть, например, а в других компаниях, которые по какой-то причине, не связанной совершенно с выполнением требований по сохранению жизни и здоровья человека, страхования его реального риска, этих исключила товарищей, понимаете?

И мы, в рамках своих рассуждений, и той же самой концепции страхования, считаем, что мы должны достигнуть еще одной очень важной цели, ставя перед собой задачу построить более эффективную систему социального страхования. Нужно прекратить советский принцип перекрестного финансирования. Если ты риск создаешь, ты за него и отвечаешь. То есть вот здесь подход должен быть не только связанный с тем, что мы защищаем интересы граждан, работников. Мы тоже должны рассматривать систему социального страхования, как один из элементов, побуждающих заботиться о человеческом капитале. То есть, если ты риски создал, значит, и тариф у тебя должен быть побольше. И не должна, например, крупная компания нести ответственность не понятно за кого.

Я, к сожалению, не привел эти цифры, времени не было, но для нас было потрясением, когда мы увидели, что в самом выгодном свете, в том числе, по страхованию от несчастных случаев на производстве, оказываются не те, кто должен был бы оказаться, понимаете? Смешно, но факт. Поэтому, отвечая на ваш тезис о необходимости развития корпоративных программ: ради Бога, но, как дополнение.

Но анализируя рынок труда, мы видим, что в вашем крупном корпоративном секторе (я условно), ежегодно одна и та же тенденция, – 100 тысяч рабочих мест минус, 100 тысяч рабочих мест минус. Поэтому бессмысленно строить концептуально базу в этом направлении, потому что занятость умирает. Она перемещается в другие сектора. Соответственно, мы должны, как учитывать этот риск. И когда речь идет о корпоративном управлении, мы говорим: давайте от частного к общему перейдем, наконец, используя диалектический метод. То есть внедрим социальное партнерство, систему управления в главную базовую страховую систему, за которую все платят, в той или иной степени, и где сосредоточено основное количество людей.

И с точки зрения статистики, количество защищаемого будет оставаться приблизительно одним и тем же. Там меняться будут сектора, формы занятости, но, тем не менее, объект, который мы защищаем, будет всегда стабилен. Поэтому мы за это. Что касается ИПК, это к Юрию Викторовичу.

Юрий Воронин: Два слова по ИПК, коль тема затронута, тема серьезная. Я не хочу специально комментировать уже навязшую, что называется, в зубах тему автоподписки, авторегистрации. Могу только посоветовать коллегам дождаться, должна выйти, я думаю, в ближайшее время, наша монография об этом институте, с его исследованием, которое мы подготовили с моим покойным другом Михаилом Александровичем Ковалевским. Почитайте, посмотрите, обсудим. В ней мы попытались доказать, почему чисто юридически этот институт англосаксонский на нашей романо-германской почве никогда не взойдет.

У нас есть свои механизмы, это 158-я статья Гражданского кодекса, вполне себе достаточная, решающая необходимые задачи, поэтому нам не надо увлекаться никакими модными веяниями в этой части. Проблема в другом. Вы же видите, что закон об индивидуальном пенсионном капитале даже на обсуждение не выносится. Это же не просто так. Что-то там смущает, не все готово, что-то вызывает вопросы, насколько это

будет воспринято обществом, особенно сейчас, когда очень велик запрос на социальную справедливость, на защищенность. Значит, есть проблемы.

И в этом отношении не надо заикливаться, мне кажется, на каком-то одном проекте. Надо думать о многообразии и вариативности решений. И, действительно, и Александр Львович говорил, и вы, собственно, говорили о том, что корпоративный сегмент в пенсионном страховании, - это достаточно перспективная вещь, если она правильно организована, ему найдено место, роль надлежащая. А главное, государство заинтересовано в его развитии, путем налоговых стимуляций. Вот это ключевое. Если будет налоговая стимуляция, как это в Соединенных Штатах, в Канаде, в Голландии, тогда этот корпоративный сектор будет развиваться и играть свою роль, как дополнительную роль для определенных лиц, у которых коэффициент замещения не исчерпывается общенациональной системой обязательного пенсионного страхования.

Но нам не нужно с повестки дня это снимать. Недаром же с законом об индивидуальном пенсионном капитале такая же история, как с нашим докладом, его никто не читал, но все обсуждают, да. Это замечательно. Тем не менее, критика высказывается, что вот эти корпоративные системы, они под вопрос поставлены. Это очень важно, не допустить того, чтобы было сломано там, где что-то уже создано. Там где что-то работает, накоплено и функционирует, а они [корпоративные пенсионные программы] в крупных корпорациях развиваются и, действительно, дают хорошую прибавку к пенсиям этим людям. Не надо, чтобы они были утрачены.

И нам сейчас, пока нет оснований дискутировать про индивидуальный пенсионный капитал ввиду его отсутствия, надо продолжить обсуждение вопроса о возможности добровольных путей развития корпоративных систем, и о том, что сделать для того, чтобы они реально развивались, были интересны людям, негосударственным пенсионным фондам. И я думаю, что тогда мы сможем не сводить все к какому-то одному приему или способу. То у нас, значит, это накопительная система, то увеличение пенсионного возраста. Сейчас, значит, второе издание накопительной системы.

Но это не панацея. Не бывает панацеи в социальном страховании. Социальное страхование спасет четкое понимание времени и роли самой системы. Над этим давайте работать и дискутировать. Я думаю, что тот цикл семинаров, который Вышка затеяла, даст хорошую возможность посмотреть с разных сторон на разные компоненты социального страхования и обсудить возможные механизмы реализации последовательно, и по мере поступления информации для размышления. Спасибо.

Оксана Синявская: Спасибо. У нас есть время еще для одного-двух комментариев. Представляйтесь, пожалуйста.

Фатима Сулейманова: Здравствуйте. Сулейманова Фатима, факультет права Высшей школы экономики. У меня вопрос к Евгению Шлёмовичу Гонтмахеру, потому что он первый заговорил о персонификации, о вариативности социального страхования в широком смысле, включая и медицину. Я абсолютно согласна с Юрием Викторовичем Ворониным, что медицинское страхование очень специфично и выбивается из других видов страхования. Поэтому вопрос: предполагает ли эта вариативность уход от лимита

по объему услуг, которые мы имеем сейчас, и переход к какому-то персональному лимиту по выплатам? Здесь даже самая наилучшая осведомленность, если выбирать, ориентироваться на среднестатистические заболеваемости в определенном возрасте, не дает определенности. Тут же есть риски ухода от солидарности. Спасибо.

Евгений Гонтмахер: Я выскажу свою личную позицию. Мы в докладе отдельно про ОМС не писали. Это отдельная большая тема. И, кстати, здесь в Вышке у нас проходят разные обсуждения этой темы. У меня есть своя личная точка зрения, которая заключается в том, что в конкретных условиях России, наши, как было правильно Александром Львовичем [Сафоновым] сказано, низкие зарплаты, - это самая главная угроза системе социального страхования. У нас бедная страна с маленькими зарплатами. Поэтому, возлагать какие-то большие надежды, что за счет фактически самофинансирования, работники платят, или работодатели платят, это все покроет, – по крайней мере, в ближайшей перспективе неосмотрительно. Хотя, когда-нибудь, если у нас будет экономический рост и рост зарплат, к этому возможно будет прийти.

Но, в наибольшей степени от этого, конечно, страдает система ОМС. Я считаю ошибкой, это моя точка зрения, я ее публично высказывал, в том числе, и тем людям, кто это проводил в жизнь, переход на одноканальную систему финансирования здравоохранения. Если мы посмотрим на самые эффективные системы здравоохранения в мире, сейчас публикуется очень много рейтингов, Bloomberg, например, то самые эффективные из них, как правило, бюджетные. Возьмите Великобританию, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, многие европейские страны, в том числе, южно-европейские страны. Причем идет переход ряда развитых стран от обязательного медицинского страхования к бюджетным моделям.

Александр Сафонов: Норвегия, Швеция.

Евгений Гонтмахер: Да, это мировой тренд, который, кстати, связан с тем, что есть две тенденции в изменении расходов на здравоохранение в мире.

Первая тенденция, это, конечно, научно-технический прогресс. Он резко снижает затраты на очень многие точки в медицине. Когда вместо дорогостоящих технологий, лежания в больнице и прочее, вам могут сделать какую-то, очень дешевую, на самом деле, операцию, и проблема решена. Еще можно говорить о геномной инженерии, коррекции хромосом, которые не дают развиваться многим тяжелым заболеваниям.

Если брать только эту тенденцию, то через пять-десять лет в развитых странах расходы на здравоохранение в доле ВВП могут даже уменьшаться.

Но есть обратная тенденция. Это старение населения, которое, естественно, объективно толкает к увеличению запроса на медицинские услуги. Да, ты заболел, условно говоря, сердечно-сосудистым заболеванием не в 60 лет, а в 80 лет. Но все равно ты заболеешь, рано или поздно, и все равно тебе нужна медицинская помощь.

Это к вопросу, какая система здравоохранения более эффективна. Мир склоняется все-таки к бюджетной системе, потому что, действительно, за счет страхования, мы видим это на примере Соединенных Штатов, просто классический пример, добиться эффективности

– и социальной, и финансовой - невозможно. Там самая неэффективная система здравоохранения среди развитых стран, при том, что они на нее тратят, по-моему, 15% ВВП.

Считаю, что сейчас в России надо обсуждать и переходить на промежуточный вариант модели здравоохранения. Бюджетным должно стать наше первичное звено. А все, что дальше – специализированная и высокотехнологическая помощь могут пока остаться в системе ОМС, без изменения нынешнего размера страховых платежей в систему ОМС. Но Тогда очень существенно повысятся финансовые возможности нашего здравоохранения.

Поэтому, вопрос сложный, дискуссионный, но он примерно такой же по глубине и по объему, как мы сегодня говорили про систему обязательного социального страхования. Мы должны спорить, дискутировать и формировать национальную модель здравоохранения, которая в каждой уважающей себя стране есть. Национальная модель здравоохранения - это тоже колоссальный инструмент социальной политики XXI века, такой же, как национальная модель образования, которая у нас не создана, современная модель рынок труда, то, что Александр Львович [Сафонов] очень хорошо показывал. У нас нет представления в стране, что будет с нашим рынком труда в условиях четвертой технологической революции, демографических сдвигов. Это большая проблема.

Оксана Синявская: Спасибо. Последний вопрос или комментарий. Да?

Дмитрий Помазкин: Спасибо. Дмитрий Помазкин. Скажите, пожалуйста, переход такой глобальной системы, действительно, предполагает большие затраты. Он как-то моделировался, как-то оценивался? Потому что, с точки зрения, так сразу навскидку, видно, что при переходе от солидарного принципа к индивидуальному, риски возрастают. И в частности, если даже посмотреть риск роста продолжительности жизни, то здесь просто очевидно, что индивидуальные риски будут выше, в принципе, система может быть дороже.

Кроме этого, наверное, уже говорили про здравоохранение, но и другие виды социального страхования стоит как-то оценить. Вопрос в том, какие оценки делались? И, вообще, когда говорится об изменении тенденций на рынке труда, какие-то количественные под этим оценки есть или нет? Потому что сегодня, на самом деле, у нас существует масса методов, вплоть до агентного моделирования, которое позволит индивидуально посчитать изменение поведения социума при таких глобальных возмущениях. Вопрос, с этой стороны рассматривается или нет? Спасибо.

Александр Сафонов: Начну с того, что, во-первых, все рассматривалось. Если обратили внимание, у нас подход очень системный. Я немного говорил, что в 2017 году мы делали работу для оценки уровня реальной потери трудоспособности в Российской Федерации. И суть этой работы заключалась в том, что мы смотрели те тенденции, которые происходят на рынке труда, в региональном, отраслевом аспекте, и, самое главное, то, что у нас практически не делается, в профессиональном аспекте. То есть, как у нас рынок труда представлен именно по профессиям.

Поскольку большое количество допущений, связанных с различными направлениями исследований, предполагает, что рынком труда можно заниматься, как бы занимаясь только оценкой отраслевых смещений численности занятых. Еще там анализируется положение работников в «белой» экономике, в неформальной экономике, а мы заглянули немножко дальше. Мы посмотрели с точки зрения перспективы 15-20 лет, что будет происходить с точки зрения востребованности отдельных профессий по количеству, где у нас точки слабые, и так далее. Поэтому, такие матрицы мы делали, строили, смотрели. И представляем, что будет лет через 15-20. Понятно, что в общих чертах, потому что, как человек, который занимается рынком труда еще со времен Госкомтруда СССР, я не знаю ни одного более-менее удачного прогноза, в том числе, и своих, надо сказать, потому что это дело такое очень неблагоприятное. Но, тем не менее, смотрели.

Занимались оценкой, как я уже сказал, изменений здоровья. Это тоже с точки зрения профессиональных групп, отраслей, регионов, отдельные выписки я показывал по этому поводу. Занимались оценкой моделирования, поведения оплаты труда, что немаловажно. Когда вы говорите об источниках, о том, что будет происходить с заработной платой, вы, видимо, спрашиваете, почему мы и отталкиваемся от рынка труда, понимаем ли, какое количество людей надо защищать, от каких конкретно рисков надо защищать. И, самое главное, кто за это все заплатит. Мы это смотрели. Делали различного рода моделирование.

Эта работа очень глобальная, там 5 тысяч страниц, со всякого рода расчетами, моделями. Мне очень жалко, конечно, что она не участвовала в обсуждениях, связанных с возможностью, необходимостью тех решений, которые в прошлом году прозвучали, потому что сказали так: да, вы правы, но решение принято, и зачем все это учитывать. В очередной раз убедились, что иногда даже хорошо проделанная работа не решает ровным счетом ничего.

Но, тем не менее, все наши исследования показывают то, что подход, который мы предлагаем в нашем докладе, оправдан. Это результат нашей 25-летней работы, который позволяет нам сказать, что мы правы. Плюс, ко всему прочему, мы с Юрием Викторовичем общались с бывшим генеральным секретарем МАСО Конколевским, для того, чтобы просто понять, как смотрят на это подразделения МОТ, с точки зрения их опыта. Мы просто передали эту работу, перевели на английский язык с тем, чтобы посмотреть реакцию его, как эксперта, его аппарата. Были очень приятно удивлены, что очень положительно к этому отнесся. То есть это означает ровно следующее, что все то, что мы затронули для Российской Федерации, адекватно в качестве решения проблем и для наших зарубежных коллег. Весь вопрос в том, как моделировать эту систему. То есть вот она, как Lego, какие компоненты выбирать, исходя из нашей действительности.

Но это такой краткий ответ. Понятно, что времени нет для этого. Весь наш доклад, который мы делали в 2017 году, можно было на десяток семинаров разложить. И с медиками побеседовать, которые этим занимались, и со специалистами-социологами, которые делают социологические опросы, с точки зрения влияния на риски социального страхования семейных обязательств. Потому что, я считаю, что мы впервые такую задачу

для себя поставили, провели опрос общероссийский, посмотрели, как разные возрастные группы населения реагируют на наши предложения. Правда, Юрия Викторовича, как одного из постановщика задач этой глобальной работы, постоянно ругали, потому что там надо было по многим возрастным группам проходиться, не только лиц предпенсионного возраста, но и более молодые возраста смотреть.

По крайней мере, мы видели отклик населения. То есть вот оно готово на что-то, не готово на что-то. Вот что для них важно, занятость, например, или уход за нетрудоспособными членами семьи. Это позволяло нам выстроить это понимание. Поэтому, все считали. И я у Якушева брал данные по негосударственным пенсионным фондам, с точки зрения их опыта истории. То есть, кто там участвует в этих программах, потому что там очень большая база данных по зарплатам, кто самостоятельно участвует, кто через корпоративные системы. Если корпоративная система умерла, продолжают ли люди участвовать в этом процессе накопления пенсии, или не продолжают.

В общем, все эти разного рода данные, и фондов, и общей статистики, и наши социологические исследования, социологические исследования других коллег, данные негосударственных пенсионных фондов, , мы брали для того, чтобы представить себе эту картинку. Я думаю, что если бы у нас таких общих знаний не было, и вот этих превью этих крупных исследовательских проектов, то не было бы тех предложений, которые мы сформировали. Спасибо.

Оксана Синявская: Спасибо большое. Я думаю, что мы все уже хорошо поработали, и я вижу по аудитории, что устали, поэтому я предлагаю завершать сегодняшний семинар. Мы выслушали не только интересное выступление, но и дискуссия, мне кажется, была очень плодотворной.

И да, жаль, что у нас не состоялись те два диспутанта, которых мы планировали, сторонники, скажем, более либеральных взглядов на будущее социального государства, системы социальной политики в XXI веке. Но сегодняшняя аудитория, на мой взгляд, почти единодушно на вопрос, есть ли будущее у системы обязательного социального страхования в XXI веке, не только докладчики, но и участники дискуссии, скорее, говорили, что, да. Но нам нужно искать новые принципы, новые походы в организации этой системы.

И, как справедливо заметил Юрий Викторович, при этом мы все равно возвращаемся опять к тому, что эта система должна включать, и быть основана на диалоге работников и работодателей. Это то, что, на мой взгляд, очень часто упускается, когда проводится у нас социальная реформа, решение о том, сколько социальные программы разные должны стоить обществу. И это вопрос, скорее, ответ на которых ищется в диалоге основных участников этого процесса.

В общем, много здесь, действительно, информации для размышления прозвучало. Я думаю, какие-то сюжеты мы будем повторять и в ходе следующих семинаров. Сейчас я просто хотела бы всех поблагодарить за активное участие в дискуссии. И следите за следующими анонсами.